

ФИЛОСОФИЯ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

1988/3

В. И. Замковой
ФИЛОСОФИЯ
ЯДЕРНОГО
БЕЗУМИЯ

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

3/1988

Издается ежемесячно с 1960 г.

В. И. Замковой,
доктор философских наук

ФИЛОСОФИЯ ЯДЕРНОГО БЕЗУМИЯ

(Критика буржуазных концепций
по проблемам войны и мира)

Издательство «Знание» Москва 1988

ББК 68

3-26

Автор: ЗАМКОВОЙ Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор.

Рецензент: Ясюков М. И. — доктор философских наук, профессор, генерал-майор.

Замковой В. И.

3-26 Философия ядерного безумия (Критика буржуазных концепций по проблемам войны и мира). — М.: Знание, 1988. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия»; № 3).

11 к.

В условиях возрастающего влияния военно-промышленного комплекса на политику империалистических государств апологеты капитализма конструируют разнообразные концепции, цель которых — обосновать агрессивный характер глобальной стратегии империализма. Автор раскрывает научную несостоятельность буржуазных теорий неизбежности войн, показывает, что они являются модификацией раскритикованных марксистской наукой социал-дарвинизма, социальной этиологии и неотрейдизма.

0301040300

ББК 68

ВВЕДЕНИЕ

Немногим более одного десятилетия отделяет человеческую историю от рубежа XX и XXI вв. Мы приближаемся к этому рубежу в обстановке поистине драматической борьбы сил мира и прогресса против сил войны и реакции.

Характерной особенностью современного периода исторического развития является то, что противоборство двух мировых систем — социализма и капитализма — происходит в условиях существования оружия массового уничтожения, способного в случае его использования в войне привести к уничтожению всей цивилизации. Вследствие этого проблема войны и мира приобретает особую остроту и злободневность.

Проблема войны и мира в современную эпоху — это поистине глобальная проблема, затрагивающая интересы всех классов, социальных групп, политических партий, наций, государств и каждого человека в отдельности. Поэтому совершенно естественно, что различные аспекты этой проблемы находятся в фокусе острой идеологической борьбы, а сама мировоззренческая ориентация правящих политических сил в тех или иных странах относительно природы войн, их социально-исторической функции и влияния на жизнь народов имеет решающее значение для осуществления конкретных действий, уменьшающих либо стимулирующих военную опасность.

Современный период исторического развития характеризуется высоким динамизмом и большой насыщенностью различных международных событий, непосредственно связанных с борьбой прогрессивных, миролюбивых сил за укрепление мира и международной безопасности.

В 70-е гг. силам мира удалось перехватить инициативу

и основательно потеснить силы войны. Практически все это десятилетие прошло под знаком серьезной разрядки международной напряженности и перестройки всего комплекса международных отношений на основе принципа мирного сосуществования государств с различным общественным и государственным строем. Однако в начале 80-х гг. по вине реакционных и агрессивных сил современного капитализма, и прежде всего правящих кругов США, в мире вновь повеяли ветры «холодной войны» и резко осложнилась международная обстановка. В течение первого пятилетия 80-х гг. опасность возникновения военного пожара значительно усилилась. Это было обусловлено целым рядом агрессивных акций американского империализма, таких, как захват Гренады, ведение необъявленных войн против Никарагуа и Афганистана и эскалация гонки вооружений, связанной с производством новых типов и систем оружия массового уничтожения (мобильная межконтинентальная ракета МХ, стратегический межконтинентальный бомбардировщик В-1-В, подводные ракетно-носные системы типа «Трайидент», бинарное химическое оружие и др.).

Неконструктивному курсу внешней политики империализма противостоит последовательная миролюбивая политика СССР. Эта политика характеризуется глубоким реализмом и конструктивностью. Она проникнута духом высоких идеалов гуманизма, справедливости и заботы о судьбах всего человечества. Именно благодаря смелым, решительным и новаторским мирным инициативам Советского Союза на рубеже двух пятилетий 80-х гг. обозначились обнадеживающие симптомы общего оздоровления атмосферы международных отношений, роста доверия между противоборствующими сторонами. Эти инициативы разрабатывались и выдвигались в общем русле перестройки внутренней и внешней политики СССР, основные направления которой были определены в исторических решениях апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда КПСС. Одним из наиболее ярких и убедительных симптомов такого рода явилось достигнутое между СССР и США соглашение о ликвидации баллистических ракет средней дальности и оперативно-тактических ракет.

Программой основой мирных инициатив Советского Союза является сформулированное в решениях XXVII съезда

КПСС предложение о создании всеобъемлющей системы международной безопасности, которая должна охватывать все основные сферы взаимоотношений между буржуазными и социалистическими государствами: военную, политическую, экономическую и гуманитарную. Встречи и переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана в Женеве и Рейкьявике, несмотря на то что они не завершились конкретной договоренностью по вопросам разоружения, тем не менее убедительно продемонстрировали мировой общественности реальную возможность достижения таких договоренностей при наличии доброй воли. Встреча лидеров двух великих держав в Вашингтоне в декабре 1987 г. со всей убедительностью это подтвердила. Впервые за всю историю послевоенного времени между СССР и США был заключен договор о ликвидации целого класса ракет: ракет средней дальности и оперативно-тактических. Такой результат переговоров М. С. Горбачева и Р. Рейгана вселяет надежды на успешный исход новых усилий в деле разоружения. На очереди стоит вопрос о значительном сокращении других видов и систем оружия массового уничтожения, в частности, межконтинентальных баллистических ракет.

Предложения Советского Союза о поэтапном сокращении арсеналов ракетно-ядерного оружия и их полной ликвидации до конца нынешнего столетия, его готовность на осуществление самых радикальных и эффективных мер по устранению военной опасности завоевали Стране Советов уважение и признательность широчайших кругов мировой общественности. Народам мира, представителям всех социальных слоев современного общества особенно импонируют последовательность и бескомпромиссность борьбы СССР за ликвидацию оружия массового уничтожения и его основы — ядерного оружия, само существование которого несовместимо с принципами гуманизма и является глубоко аморальным.

«Ядерное оружие аморально, бесчеловечно по сути своей, — писал М. С. Горбачев в обращении к американским читателям. — Его существованию нет оправданий — ни в религиях, ни в учениях, ни в самой жизни. Что ядерная сила может доказать? Только одно — насколько глуп и несовершенен человек, как цепко в нем сидит атавизм. Но,

случись худшее, даже этого доказывать будет некому: после войны не будет ни проповедников, ни паствы, ни деревенских русских домов, ни нью-йоркских небоскребов, ни Кремля, ни Белого дома, ни человека, ни зверя. Ничего живого!»¹.

Для повсеместного и безусловного осознания этой, казалось бы, самоочевидной истины необходим переход к новому видению вещей, к новому мышлению, вытекающему из императивов ядерного века, что предполагает решительный и бесповоротный разрыв с догматизмом, предрассудками и стереотипами старого мышления. В этом единственный путь спасения цивилизации, ключ к выживанию всего рода человеческого, что со всей ясностью и недвусмысленностью было выражено М. С. Горбачевым в его книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», встретившей одобрение и понимание широких кругов советской и мировой общественности.

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Реальности ядерного века

Взрывы американских атомных бомб над японскими городами Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. ознаменовали начало новой эры ведения войн и развития военного искусства. Они просигнализировали человечеству о появлении оружия такой разрушительной силы, последствия применения которого с трудом поддавались воображению. Влияние этого события на общественную жизнь сразу же вышло далеко за рамки чисто военного аспекта. Оно затронуло все сферы существования человеческого общества — политики, экономики, культуры — и с драматической бескомпромиссностью поставило вопрос о судьбах цивилизаций в условиях существования оружия массового уничтожения. Правящие круги американского империализма в расчете на длительную монополию на атомное оружие сразу же использовали его для шантажа и диктата в области внешней политики и как главный инструмент «холодной войны». Они даже не пытались скрыть своего намерения использовать атомное оружие против СССР, что нашло свое выражение в различных вариантах эволюции американской военной доктрины, таких, в частности, как «превентивная война», «массированное возмездие».

В этих условиях Советскому Союзу не оставалось ничего иного, как дать ответ на вызов США и в целях своей безопасности изготовить и взять на вооружение ядерное, а впоследствии и ракетно-ядерное оружие. В мире началась опасная гонка ракетно-ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а человечество объективной логикой вещей было поставлено в положение заложника ядерной смерти. Проблема влияния новых видов оружия как на характер войн, так и на их разрушительные последствия всегда привлекала пристальное внимание исследователей.

С прогрессом военной техники неуклонно возрастало число жертв и разрушений в ходе войн. Чем «рациональ-

нее» становилось вооружение, тем «иррациональнее» становились последствия его применения. Это особенно ярко проиллюстрировали первая и вторая мировые войны. Однако ни одна война прошлого, включая и мировые войны при всех их жертвах и разрушениях, не ставила seriously под вопрос само существование человеческого общества. Такая проблема возникла только с появлением ракетно-ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения в результате научно-технической революции середины XX столетия.

Выдающиеся общественные деятели и крупнейшие ученые различных стран высказывали и продолжают высказывать самые серьезные предостережения относительно чудовищных, ни с чем не сравнимых масштабов разрушения и уничтожения в результате применения ядерного оружия, особенно для стран и центров с высокой плотностью населения.

В ряде капиталистических государств существуют национальные школы гражданской обороны, которые, в частности, моделируют взрывы ядерных бомб различной мощности над различными объектами. В этом отношении весьма недвусмысленную картину последствий взрыва (например, 10-мегатонной водородной бомбы над Лондоном) представляет документ, опубликованный министерством внутренних дел Англии: «Одна 10-мегатонная бомба, взорванная на высоте трех тысяч метров над Трафальгарской площадью, фактически уничтожит Лондон. Центральная часть города превратится в развалины, покрытые радиоактивной пылью. Над городом поднимется столб огня высотой в полтора километра и диаметром в 30 километров; газопроводы, цистерны с горючим, бензозаправочные станции взлетят на воздух; бушующее пламя поглотит кислород, выкачав его из всех убежищ и заменив его углекислым газом. Все дороги, ведущие из города, будут завалены разбитыми автомашинами и обломками обрушившихся зданий. Каждый, кто в момент взрыва будет находиться на открытом месте на расстоянии 60 километров от места взрыва, ослепнет; радужная оболочка его глаз будет сожжена термоядерным взрывом, который в тысячу раз превзойдет яркость солнца. Машинисты на поездах, водители автомашин и грузовиков, пилоты само-

летов, лишённые зрения и беспомощные, будут мчаться к гибели...»².

Не требуется большого воображения, чтобы понять, что такая же или аналогичная участь постигнет любой крупный населённый пункт любой страны, который подвергнется ядерному нападению.

Война с применением ядерного оружия не идет ни в какое сравнение со всеми войнами прошлого не только по абсолютным масштабам разрушений и смерти, но и по масштабам бедствий и мучений, которые пришлось бы испытать человечеству. Никакое описание бедствий и ужасов ядерной войны не явилось бы преувеличением ее истинной картины. Джон Бернал весьма выразительно рассказывает о том, что принесла бы людям ядерная война: «Те, кого сразу убьют, будут самыми счастливыми: несравненно больше умрет в медленной агонии от ожогов и лучевой болезни. Останется мало надежды на помощь, а когда она придет, от нее будет мало пользы. Повсюду будут ужас, превосходящий всякие представления средних веков об аде: взрывающиеся и сжигающие бомбы, растерзанные и сгоревшие тела и более длительный ужас выздоровления тех немногих, кто выжил... Ядерная война была бы трагедией, выходящей за пределы того, что известно человечеству о смерти и страданиях»³.

В своей речи перед участниками международного форума за безъядерный мир, за выживание человечества М. С. Горбачев обстоятельно проанализировал и обосновал идею недопустимости и преступности использования в войне ядерного оружия. «Воображение бессильно представить себе тот ад, — констатировал он, — то отрицание самой идеи человека, если будет пущена в ход даже малая часть нынешнего ядерного потенциала»⁴.

Разрушительная сила ядерного оружия достигла сейчас такого предела, когда ее дальнейший рост теряет всякий реальный смысл. В свете этой перспективы становится совершенно очевидной бессмысленность попыток разрешения политических противоречий между странами путем применения военной силы. Эта новая и беспрецедентная в истории человечества ситуация сразу же получила своеобразный отклик в сфере военно-теоретического мышления. В трудах известных представителей буржуазной военно-теорети-

ческой мысли, таких, как Герман Кан, Генри Киссенджер, Оскар Моргенштерн, Лотар Рендунч, Рудольф Воллер, появились новые понятия: «ядерный тупик» и «военный пат». Смысловое значение этих понятий в конечном итоге сводится к констатации парадоксального положения невозможности боевого применения мощных арсеналов ракетно-ядерного оружия для достижения конкретных политических целей. Явно или неявно эти понятия идентифицировались с понятием «равновесие сил». Однако такую идентификацию вряд ли можно признать правомерной.

Политико-стратегический феномен, который обозначается буржуазными идеологами как ядерный тупик или военный пат, — это феномен сугубо современный и сугубо специфический. Он не имеет прецедента в человеческой истории. Он возник на материально-техническом фундаменте научно-технической революции, сделавшей возможным создание и производство оружия массового уничтожения в условиях разделения мира на две противоположные социально-экономические системы. Можно спорить о том, насколько адекватно и с научной точки зрения точно понятия «ядерный тупик» и «военный пат» отражают реальный феномен современной мировой политики, насколько удачными являются данные определения сами по себе. Однако вряд ли можно серьезно отвергать сам факт существования в современном мире такого положения, когда противостоящая друг другу, неслыханная по своей силе разрушительная военная мощь не может быть введена в действие и эффективно использована для разрешения спорных политических проблем без риска всеобщего уничтожения.

В отличие от ситуации «ядерного тупика» или «военного пата» понятие «равновесие сил» не является новым феноменом человеческой истории. Оно неоднократно складывалось в отношениях между государствами в разные исторические эпохи на основе различного характера военной техники, обусловленной уровнем развития производительных сил. В основе содержания такого равновесия лежало, как правило, относительное равенство экономических и военных сил и ресурсов, дополняемое целой совокупностью иных факторов, связанных с преимуществами или недостатками общего политического и стратегического положения, нали-

чия или отсутствия союзников, защитных географических барьеров и т. д.

Некоторые буржуазные исследователи придерживаются той точки зрения, что сам факт равновесия ракетно-ядерных сил и взаимная способность СССР и США причинить друг другу в случае войны опустошения, несоизмеримые с какими-либо ее позитивными результатами, исключает активную политику, сковывает дееспособность и маневренность великих держав в борьбе за их жизненно важные внешнеполитические интересы. Действительность, однако, опровергает такую оценку положения. В мире происходит интенсивная экономическая, политическая и идеологическая борьба между силами мира, прогресса и социализма, с одной стороны, и силами империализма и реакции — с другой.

Идеологи империализма ведут концентрированные атаки на позиции мирового социализма, пытаются методами политических и идеологических диверсий добиться тех же самых целей, для достижения которых они не решаются прибегнуть к силе ракетно-ядерного оружия. В этом смысле равновесие ядерных сил несколько не сковывает, а, скорее, еще больше разнуздывает политическую и идеологическую активность мирового империализма в борьбе против сил социализма, мира и прогресса.

Для организации и осуществления политических диверсий и идеологического наступления против стран социалистической системы империализм использует разнообразные и изощренные формы и методы борьбы, а саму эту борьбу ставит на научно-индустриальную основу с привлечением широчайшего круга специалистов из всех отраслей экономики, культуры и военного дела. Буржуазные философы, социологи и военные теоретики разрабатывают принципы, формы и методы глобальной эскалации экономического, политического, идеологического, психологического и военного давления на страны социалистической системы, добиваясь ее морально-психологической капитуляции перед натиском враждебных сил.

В оценке реальностей ядерного века буржуазные исследователи делают главный акцент на негативных компонентах этих реальностей — на возможности уничтожения цивилизации в результате боевого применения оружия массового уничтожения. Их исследовательский пафос, как правило,

не идет дальше констатации такой возможности. Они не хотят видеть того, что беспредельный рост разрушительной мощи современного оружия содержит в себе предпосылки для возникновения неразрешимого в этих условиях конфликта между средством и целью, между оружием и политикой, между военно-промышленным комплексом и существованием человеческого общества. Диалектика развития этого конфликта содержит в себе реальные предпосылки для отрицания в процессе исторического развития как факторов, которые угрожают основам существования общества, так и той социально-экономической системы, которая их порождает.

В развитом классово антагонистическом обществе война как продолжение и инструмент политики двигалась и модифицировалась с точки зрения способа своего ведения в прямой зависимости от прогресса производительных сил общества. Военная техника в истории всегда выступала как своеобразное зеркало и мерило уровня развития производительных сил, находясь с ними в весьма сложных, противоречивых взаимоотношениях. В определенном смысле военная техника — это «производительная сила с отрицательным знаком». Являясь продуктом производительных сил общества, военная техника в то же время всегда служила средством их разрушения в войнах, в которых она применялась. Эта ее негативная историческая роль вытекала и вытекает из антагонизма социальной структуры того общества, которое порождает войны как средство защиты интересов и привилегий господствующих классов. В ходе исторического развития каждая ступень в прогрессе производительных сил, связанная с использованием новых источников энергии и применением более совершенных орудий труда, сопровождалась изобретением и производством все более разрушительных средств ведения войны. Существует прямая зависимость между прогрессом военной техники, с одной стороны, и разрушительным характером войны — с другой.

Возникновение ракетно-ядерного оружия явилось кульминационным пунктом в развитии техники уничтожения. Его возникновение — тот поворотный пункт в эволюции военной техники, когда само оружие вступило в неразрешимый конфликт с конечными результатами его боевого применения.

80-е гг. ознаменовались дальнейшим ростом и совершенствованием ракетно-ядерных потенциалов противоборствующих сторон. Более того, приобрела реальные очертания возможность серийного производства и других видов систем оружия массового уничтожения: лазерного, геодезического, психотропного. Из абстрактной возможности в возможность вполне реальную превратилась угроза ведения «звездных войн». Все это, вместе взятое, еще более усугубляет опасность, нависшую над человечеством. Рост этой опасности требует не только повышения ответственности людей, направляющих политику своих государств, но и выработки новых принципов мышления в ядерный век, такого мышления, которое при решении любых международных проблем отдавало бы приоритет значимости глобальных общечеловеческих задач и, в частности, задачи предотвращения мировой военной катастрофы. Важным условием для этого является создание, использование и развитие таких интернациональных механизмов и институтов, которые позволили бы находить оптимальные соотношения интересов национальных, государственных с интересами общечеловеческими.

Особую роль и особое значение в этой связи приобретают конкретные и конструктивные мирные инициативы Советского Союза, вытекающие из духа и принципов нового политического мышления, воплощенного в решениях XXVII съезда КПСС, и являющиеся методологической и практической основой внешней политики Советского государства, однозначно ориентированной на обеспечение условий выживания человечества и предотвращение угрозы всеобщей гибели.

Проблема практического овладения требованиями и принципами нового политического мышления в ядерный век является самой насущной, самой злободневной проблемой современности в интересах сохранения мира и предотвращения мировой катастрофы. Как отмечает М. С. Горбачев, «все мы встали лицом к лицу с необходимостью научиться жить мирно в этом мире, выработать новое политическое мышление, ибо условия сегодня совсем другие, чем они были даже три-четыре десятилетия тому назад»⁵.

Новое политическое мышление — условие сохранения мира и выживания человечества

Термин «новое политическое мышление» прочно вошел в лексикон международного общения, стал знаменем нашего беспокойного, противоречивого и в высшей степени динамичного века. Речь идет в данном случае не о дежурном упражнении в риторике и не о магии благозвучного эпитета. Речь идет о понятии, вызванном к жизни критической фазой в развитии человечества, обусловленной реальной опасностью его исчезновения с лица Земли. «К рубежу 80-х годов XX столетия, — справедливо отмечал академик Е. М. Примаков, — мир подошел, быстро утрачивая веру в бесспорность своей извечной перспективы. Проблема выживания, которая и до этого существовала, теперь остро встала, как проблема сохранения человеческой цивилизации от неизбежного уничтожения в случае термоядерной войны»⁶.

В общемировоззренческом смысле новое политическое мышление современности является духовным отражением в сфере общественного сознания реальных явлений и противоречий в области развития производительных сил и базисных отношений современного человеческого общества, разделенного на две противоположные общественно-экономические системы — капитализм и социализм.

Политическое мышление как таковое существует в любую историческую эпоху. Новым оно становится тогда, когда его идеи и принципы противопоставляются старым догматическим взглядам и представлениям вступившего в противоречие, в конфликт с новыми реальностями непрерывно развивающегося мира.

Вероятно, было бы правильно различать понятие «новое политическое мышление», которое распространяется на сферу отношений между народами и государствами, главным образом принадлежащими к двум противоположным системам, и понятие «новое мышление» вообще, которое является более широким, охватывающим все сферы существова-

ния и развития общества, не только сферу политики, но и науки, искусства, морали, философии, религии.

В этом смысле новое политическое мышление — составная часть нового мышления вообще, органически вpleтающаяся в его ткань. Они взаимосвязаны в той же степени, в какой взаимно переплетаются все формы общественного сознания. Новое мышление как исторический феномен является закономерностью развития общества, закономерностью научно-технического и социального прогресса. Об этом убедительно свидетельствует вся человеческая история: переход от религиозно-мифологического мировоззрения к научному, от геоцентрической системы Аристотеля—Птолемея к гелиоцентрической системе Коперника, от математики Евклида к математике Римана и Лобачевского, от системы Ньютона к системе Эйнштейна, от метафизического мышления к диалектическому, от идеалистического понимания истории к материалистическому — таковы лишь некоторые примеры смены исходных принципов мышления, составляющих саму душу творческого восхождения человечества от каменного топора до расщепления атомного ядра и микроэлектроники, от первобытного состояния до социализма.

В этом смысле и новое политическое мышление современности лежит в русле закономерной смены типов мышления. Для него характерны уникальные черты, неповторимая специфика, вытекающие из особенностей современного этапа развития человеческого общества в конце XX столетия. Ядром этой специфики является реальная угроза уничтожения человечества и биосферы — ситуация, не имеющая прецедента в истории. Реальность данной угрозы вступила в непримиримый, бескомпромиссный конфликт с установками и устойчивыми стереотипами старого мышления, основанными на взаимном недоверии, максимализме, убежденности в бесспорности собственных суждений, на наличии «образа врага», перманентной готовности применить вооруженную силу для его уничтожения, на отсутствии готовности идти на взаимоприемлемые компромиссы.

Следование такого рода установкам и стереотипам старого политического мышления — это самый верный и самый краткий путь в небытие и одновременно выражение крайней политической слепоты и безответственности.

Характеризуя существо противоречия между реальностями ядерного века и догмами старого политического мышления, М. С. Горбачев подчеркивал: «Чтобы произошло самое плохое, даже не надо совершать беспрецедентной глупости или преступления. Достаточно действовать так, как действовали тысячелетиями — в решении международных дел полагаться на оружие и военную силу, а при случае ее и применять. Вот эти тысячелетние традиции сейчас надо безжалостно ломать, от них надо напрочь отказываться. Иначе проблема выживания человечества может оказаться неразрешимой. В ядерный век нельзя жить — во всяком случае долго жить — с психологией, привычками и правилами поведения века каменного»⁷. Сам факт существования постоянной угрозы ядерной катастрофы является, помимо прочего, глубоко иррациональным, антиразумным, несовместимым со здравым смыслом и человеческой совестью.

Первые проблески нового политического мышления возникли вскоре после появления ядерного оружия и его варварского применения против японских городов Хиросимы и Нагасаки. Пионерами идеи нового политического мышления были крупнейшие ученые мира, в первую очередь те, которые имели прямое или косвенное отношение к расщеплению атомного ядра и производству первых систем ядерного оружия, такие, как Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Макс Планк, Лео Сцилард, и другие.

Будучи вынужденными работать над практической реализацией «цепной реакции» (перед лицом угрозы овладения секретом атомной бомбы гитлеровской Германией), они призывали в дальнейшем к запрещению и уничтожению накопленных запасов ядерного оружия и указывали на недопустимость его использования.

В своем обращении к интеллигенции в 1948 г. Альберт Эйнштейн писал: «Поскольку нам, ученым, уготовлена трагическая участь, — еще более повышать чудовищную эффективность средств уничтожения, наш самый торжественный и благородный долг состоит в том, чтобы всеми силами воспрепятствовать использованию этого оружия для тех жестоких целей, для каких оно было изобретено. Какая задача для нас может быть более важной? Какая общественная цель может быть ближе нашему сердцу?»⁸

Одним из первых документов, в котором со всей недву-

смысленностью высказана идея необходимости нового мышления в сфере международной политики, был документ, получивший впоследствии известность как манифест Рассела—Эйнштейна. «Мы должны научиться мыслить по-новому, — говорилось в нем. — Мы должны спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы того лагеря, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов больше не существует; мы должны задать себе другой вопрос; какие шаги можно предпринять для предупреждения военного конфликта, исход которого будет катастрофическим для всех его участников»⁹. В этом документе сформулирован главный принцип нового политического мышления — принцип несовместимости старых традиционных политических методов разрешения международных проблем путем применения насилия с качественно новыми реальностями ядерного века.

Важные элементы нового конструктивного политического мышления, исходящего из наличия ракетно-ядерной угрозы, содержались во многих мирных инициативах Советского Союза в 50-е, 60-е и 70-е гг. Сам принцип мирного сосуществования, которого неукоснительно придерживался и придерживается Советский Союз, представляет собой важнейший элемент нового политического мышления. В случае его безоговорочного признания и соблюдения обеими противоборствующими сторонами он создает необходимые предпосылки для сохранения мира.

Однако теоретическая концепция нового политического мышления, его методология и философия были разработаны и начали целеустремленно и последовательно претворяться в жизнь лишь после исторического апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, а затем получили дальнейшее развитие, систематизацию и конкретизацию в решениях XXVII съезда КПСС.

Принципиально важным отправным моментом этого мышления явился сформулированный в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии тезис о том, что в современных условиях «сложилась... объективные условия, в которых противоборство между капитализмом и социализмом может протекать только и исключительно в формах мирного соревнования и мирного соперничества»¹⁰.

Мощным катализатором перехода к новому политическому мышлению является сам факт существования, помимо угрозы ядерной катастрофы, целого ряда других глобальных проблем: экологической, энергетической, продовольственной, демографической, которые требуют перемещения акцентов международной политики в направлении учета факторов глобальной, общечеловеческой значимости и постоянно сигнализируют о том, что все люди Земли независимо от их принадлежности к различным социально-политическим системам, их мировоззренческой ориентации и политических взглядов являются, образно говоря, экипажем общего космического корабля, имя которому — планета Земля.

«Ядром нового мышления, — подчеркнул М. С. Горбачев, в своей новой книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», — является признание приоритета общечеловеческих ценностей и еще точнее — выживания человечества»¹¹.

В таких условиях вполне закономерно, что именно социализм берет на себя роль авангарда в борьбе не только за осуществление своих исторических целей, но и за сохранение общечеловеческих ценностей перед лицом угрозы всемирной военной катастрофы. Член Политбюро ЦК КПСС и секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев отмечает в этой связи: «Выдвинута концепция и методология нового политического мышления, основанная на анализе диалектики классового и общечеловеческого в современных условиях, на том, что только социализм в союзе со всеми революционными, прогрессивными, демократическими силами способен сохранить и приумножить гуманистические ценности цивилизации, проявлять исторические инициативы на главных направлениях общественного прогресса»¹².

Сама диалектика классового и общечеловеческого повелительно диктует такую расстановку двух данных акцентов, которые бы исходили из приоритета интересов выживания всего человечества, ибо в случае планетарной катастрофы, которую, несомненно, вызвала бы новая мировая война, классовый идеал утратит всякий смысл, поскольку его некому будет претворять в жизнь.

Развернутое определение важнейшего принципа нового политического мышления дано в книге М. С. Горбачева «Пе-

рестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»: «Основной, исходный принцип нового политического мышления прост: ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей. Этот вывод носит поистине революционный характер, ибо означает коренной разрыв с традиционными представлениями о войне и мире. Ведь именно политическая функция войны всегда служила ее оправданием, ее «рациональным» смыслом. Ядерная же война — бессмысленна, иррациональна. В глобальном ядерном конфликте не оказалось бы ни победителей, ни побежденных, но неминуемо погибнет мировая цивилизация. Это, собственно, даже и не война в привычном понимании, а самоубийство»¹³.

Весьма интересные, смелые и конструктивные мысли на этот счет содержит призыв участников проходившего в Москве советско-американского семинара «В поход за нравственное оздоровление». «Есть предел взаимной отчужденности, недоверия и ненависти, — говорится в этом документе, — за которым первый случайный выстрел может вызвать катастрофу. Так же было в 1914 году, но сейчас — впервые в истории — гибель грозит нам всем.

Стереотипы вчерашнего дня не могут нас спасти. Национальная безопасность, национальный суверенитет — прекрасные вещи, так же, как любовь к Родине, к своему народу. Но сегодня нужно что-то еще. Нужно пойти на риск доверия к людям, говорящим и думающим не по-нашему. Нужен дух диалога, нужна культура несогласия, споры без ненависти. Иначе невозможен нравственный, а за ним и политический переход на глобальную точку зрения.

Солидарность человечества выше всех частных принципов. Атомный смерч не пощадит никого, и каждый выстрел, каждая бомба террориста увеличивает общую историю насилия, сводит к нулю ценность человеческой жизни и облегчает совесть политика, способного отдать роковой приказ»¹⁴.

Для максималиста или фанатика, для человека, привыкшего видеть мир только лишь в черно-белой гамме красок в силу его догматического мышления, приведенные выше соображения могут показаться «еретическими и крамольными», но именно в них и содержится сама квинтэссенция нового политического мышления применительно к области

взаимоотношений двух соперников-партнеров. Именно в них содержится идейная подоплека того, что противоборство между капитализмом и социализмом может протекать только и исключительно в формах мирного соревнования и мирного соперничества.

В контексте нового политического мышления отчетливо просматриваются две проблемы, которые вызывают наиболее острые и темпераментные дискуссии, — это оценка роли насилия в истории в условиях существования оружия массового уничтожения и отношения к феномену формирования и культивирования «образа врага».

Марксизм-ленинизм четко и однозначно, с глубоко научных позиций определил роль насилия в истории. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, будучи в принципе убежденными противниками насилия над людьми, в то же время отчетливо осознавали и неоднократно об этом говорили и писали, что на определенных этапах исторического развития применение насилия против реакционных сил является исторической необходимостью и способствует социальному прогрессу, разрушая и уничтожая наиболее реакционные институты старого общества. Буржуазные и социалистические революции и связанные с ними гражданские войны, развязываемые, как правило, силами контрреволюции, всегда порождали кровопролитие и разрушения большего или меньшего масштаба. Это исторический факт. Но классики марксизма-ленинизма всегда смотрели на насилие как на своего рода неизбежное зло, которое где только можно и когда только можно следует либо избегать вообще, либо предельно ограничивать его масштабы и интенсивность.

Глубокие и интересные мысли по этому вопросу высказал Ф. Энгельс в произведении «Положение рабочего класса Англии»: «Чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммунистическими идеями, тем менее кровавой, мстительной и жестокой будет революция. По принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом: он признает лишь ее историческое значение для настоящего, но отрицает ее необходимость в будущем; он именно ставит себе целью устранить эту вражду. Пока эта вражда существует, коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих поработителей как необходимость... но коммунизм идет дальше

этого ожесточения, ибо он является делом не одних только рабочих, а всего человечества»¹⁵.

Это высказывание Ф. Энгельса как бы фокусирует в себе его принципиальное отношение к насилию как к исторически необходимой альтернативе классовому гнету и эксплуатации. Но для всего духа марксизма-ленинизма характерен конкретно-исторический подход к любым явлениям действительности. Маркс, Энгельс, Ленин мыслили и трудились в эпоху, когда в мире еще не существовало оружия массового уничтожения. В новых условиях мыслить категориями доядерной эпохи стало опасным историческим анахронизмом, не совместимым с императивами ядерной эпохи. Отсюда и известная формула К. Маркса о том, что насилие является повивальной бабкой старого общества, когда оно беременно новым, безоговорочно справедливая по отношению ко всей предшествующей истории, в современный ядерный век нуждается в творческом переосмысливании.

Насилие и в настоящее время не может быть автоматически аннулировано, ибо никто не может отказать народам, борющимся за свое классовое раскрепощение или национальную независимость, в экстремальных случаях прибегать к силе оружия. Но ни в коем случае нельзя абсолютизировать данное положение основоположника научного коммунизма и делать его доктринальной основой внешней политики, ибо, как справедливо писал на страницах «Правды» советский ученый Е. Плимак, «в ядерную эру, в условиях насыщения и перенасыщения мира «обычным» и «необычным» оружием, опутанности всего мира военными союзами и блоками, насилие может легко превратиться из «повивальной бабки» истории в ее «могильщика». Социальные роды могут оказаться социальной смертью»¹⁶. Именно поэтому ненасильственный способ разрешения всех спорных международных проблем, а также тех внутренних проблем, которые затрагивают интересы других стран, приобретает в силу исторической необходимости, в интересах выживания всего человечества явный приоритет перед традиционным насильственным способом.

Такой подход в полном соответствии с требованиями нового политического мышления нашел свое убедительное выражение в первых пунктах Делийской декларации о прин-

циях свободного от ядерного оружия мира, подписанной М. С. Горбачевым и Р. Ганди:

«1. Мирное сосуществование должно стать универсальной нормой международных отношений...»

2. Человеческая жизнь должна быть признана высшей ценностью...

3. Ненасилие должно быть основой жизни человеческого сообщества...

*4. Взаимопонимание и доверие должны прийти на смену страху и подозрительности...»*¹⁷.

Проблема насилия в сфере отношений между государствами в ядерную эпоху и вытекающих из его применения опасностей для всего человечества тесно переплетается с другой проблемой, имеющей самое прямое и непосредственное отношение к миру и безопасности народов. Речь идет о проблеме «образа врага» как идейного выражения взаимной враждебности, ненависти и недоверия между противоборствующими сторонами.

В формировании «образа врага» преуспели прежде всего и больше всего идеологи антикоммунизма и антисоветизма. Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России идеологи империализма начали преподносить государство рабочих и крестьян как кровавого монстра, ниспровергателя ценностей мировой культуры, генератора террора и насилия, экспортера мировой революции и пр., и пр. В наше время эскалация усилий по созданию «образа врага» вылилась в объявление СССР «империей зла». Бесчисленные издания политической литературы в капиталистических странах буквально перенасыщены грубыми и оскорбительными выпадами и инсинуациями в отношении Советского Союза и других социалистических стран, что является главным атрибутом разнузданной «психологической войны» сил международной реакции против социализма.

Всего этого не отрицают и многие трезвомыслящие американские обозреватели. Об этом свидетельствует, в частности, статья известного американского обозревателя Д. Шипледа, опубликованная в воскресном приложении к газете «Нью-Йорк таймс» и перепечатанная затем в журнале «За рубежом». «Русские, — пишет автор, — заняли свое место

в кино, в рекламе и в популярной литературе рядом с образами жестоких нацистов и более ранними мрачными стереотипами китайцев и японцев. Руководители нашего правительства поносят их как воинственных агрессоров, замысливших покорить мир». И дальше: «Злобные и абсурдные карикатуры на русских — стандартное явление в распространенном сегодня жанре рекламных и художественных фильмов»¹⁸.

С другой стороны, следует признать, что средства массовой информации нашей страны также далеко не всегда находятся на высоте спокойного, объективного и нетенденциозного освещения событий, связанных с политикой правительств капиталистических стран, и особенно в освещении реальной панорамы экономической и социальной действительности этих стран. В результате такого подхода лишь усугубляются трудности в достижении взаимного понимания и трезвого сбалансированного подхода к разрешению спорных международных проблем.

Подобные издержки в области идеологии и пропаганды, пожалуй, наиболее реально проявляются в отношении США, а это, естественно, негативно сказывается на достижении взаимопонимания и в конечном счете осложняет решение проблемы мира и безопасности. Советские люди хорошо знают отвратительные стороны «американского образа жизни» и все свойственные ему пороки, но, как справедливо отмечает известный советский американист академик Г. А. Арба-тов, «сводить всю Америку и американскую жизнь только к негативному — безработице, порнографии, наркомании, конечно, никак нельзя. Это — великая техническая цивилизация, немалых достижений США добились в науке, образовании, культуре. Много привлекательного есть и в самих американцах. Хорошая черта у них — подкупающая непосредственность в общении...» и т. д.¹⁹.

Дух перестройки и обновления сказался в полной мере и на этой деликатной сфере. Здесь Советский Союз дает наглядный пример соблюдения требований этики и культуры политической полемики. В советской литературе все чаще стали появляться материалы, убедительно аргументирующие всю опасность и недопустимость воспитания людей, и особенно молодежи, в духе ненависти и вражды ко всем тем, кто думает иначе, кто не разделяет наших политических

идеалов и мировоззренческих принципов. А это важная предпосылка ломки устойчивых стереотипов враждебности и формирования новых моральных принципов, отвечающих требованиям выживания человечества в ядерный век.

В этом отношении хотелось бы, как на пример, сослаться на статьи Л. Сараскиной «Во что играют дети»²⁰ и А. Мельвиля «Образ врага и гуманизация международных отношений: или—или», опубликованные в журнале «Век XX и мир». А. Мельвиль обращает внимание еще на существенный и важный негативный аспект данной проблемы. «Образ врага, — пишет он, — блокирует разум, рациональные способности человека, вызывает и закрепляет негативные эмоции, чувства страха, ненависти, недоверия, отвращения, подозрения, враждебности. Можно сказать, что не только сон разума порождает чудовищ, но и что чудовища, предстающие в «образе врага», усыпляют разум, парализуют его»²¹.

Поворот общечеловеческого мышления в сторону миролюбия, в сторону приоритета общечеловеческих ценностей и общепланетарных интересов всех жителей Земли — важнейшее условие торжества нового политического мышления.

Имеются обнадеживающие признаки того, что и в капиталистическом мире растет понимание необходимости мирного диалога, все глубже осознается опасность и бесперспективность гонки вооружений, которую можно графически изобразить в виде спирали, ведущей вниз, в «небытие», осознается необходимость предотвращения мировой термоядерной катастрофы.

В этом отношении заслуживают внимания соображения одного из авторов изданного в Лондоне сборника «Ядерная война и ядерный век» Джералда Сегала. «Важно отметить, — пишет он, — что ядерная стратегия, (которую выше он характеризует как искусство невозможного. — В. З.) порождена не столкновением между капиталистами и коммунистами. В действительности первая атомная бомба изготавливалась для того, чтобы быть использованной против нацистской Германии, и впервые была использована против Японии во второй мировой войне. Это очень важно иметь в виду потому, что некоторые люди рассматривают ядерное оружие как причину конфликта между Востоком и Западом»²².

Далее автор подвергает аргументированной критике широко распространенную на Западе со времен «холодной войны» мнимую дилемму — «быть красным или мертвым».

Он замечает в этой связи: «Политический конфликт во все не обязательно должен закончиться тотальной войной и во все не обязательно должны быть использованы накопленные арсеналы смертоносного оружия. Вооруженного конфликта можно избежать путем сдерживания или же позитивных изменений в сфере международной политики... Поэтому вполне реальна перспектива остаться «ни красным ни мертвым»²³.

И здесь мы подошли к ключевому пункту столкновения двух типов политического мышления — старого и нового.

Суть проблемы состоит в том, что со времени появления у двух противоборствующих сторон оружия массового уничтожения последнее стало рассматриваться подавляющим большинством буржуазных идеологов, политиков и военных теоретиков как главное средство сохранения мира.

На этой основе возникли многочисленные модификации концепций «сдерживания» и «устрашения», которые, по существу, санкционировали бесконечную гонку вооружений и абстрагировались от тех угроз, которые несет с собой такая гонка.

Принципиально говоря, паритет ракетно-ядерных потенциалов США и Советского Союза выполняет двойственную роль в области международных отношений: с одной стороны, он обуздывает экспансионистские и агрессивные устремления наиболее экстремистских сил современного империализма, с другой — обрекает человечество на постоянный страх несанкционированного возникновения термоядерной катастрофы.

Мы ни в коем случае не склонны отрицать наличия позитивного аспекта в самом факте существования военного паритета. По этому вопросу с исчерпывающей ясностью высказался министр обороны СССР Д. Т. Язов: «Решающим фактором недопущения войны в настоящее время остается военно-стратегический паритет. Сложившееся примерно рав-

ное соотношение военных сил двух союзов при огромной разрушительной силе современного оружия, ядерного и обычного, делает бессмысленной войну между ними. Паритет обеспечивает возможность осуществления ответных действий в любых условиях обстановки и нанесения при этом агрессору неприемлемого ущерба»²⁴.

Страны Варшавского Договора открыто декларировали оборонительный характер своей военной доктрины и свою решимость никогда не применять первыми вооруженную силу.

Министр обороны СССР сделал и другое принципиальное заявление. Отметив, что военный потенциал стран Варшавского Договора поддерживается на уровне разумной достаточности, он подчеркнул: «Пределы достаточности лимитируются не нами, а действиями США и НАТО. Страны Варшавского Договора к военному превосходству не стремятся, на большую безопасность не претендуют, но они на меньшую не пойдут, не допустят военного превосходства над собой»²⁵.

Советский Союз неоднократно заявлял о своей готовности к разоружению, и прежде всего о необходимости ликвидации арсеналов оружия массового уничтожения, что уже само по себе сделало бы «стратегию устрашения» беспредметной и ненужной.

Однако сила антикоммунистических предубеждений на Западе была настолько велика, что в «мировую миссию» оружия массового уничтожения поверили не только представители милитаристских кругов, но и многие прогрессивно, миролюбиво мыслящие люди, далекие от политики.

Так, например, крупнейший ученый современности в области физики, родной брат нынешнего президента ФРГ Карл Фридрих фон Вейцзеккер, утверждал в своей книге «Атомная энергия и атомный век»: «Сегодня водородная бомба является, вероятно, сильнейшим гарантом мира во всем мире»²⁶.

Известный французский военный теоретик генерал Боффер договорился до того, что назвал атом военным антибиотиком: «Атом в современную эпоху превратился в военный антибиотик. Везде, где он появляется, четко фиксируются границы. Более 150 войн, которые вспыхнули после второй мировой войны, имели место лишь там, где не было атома»²⁷.

Страстно и темпераментно убеждает своих читателей в необходимости увековечить оружие массового уничтожения как средство устрашения и предотвращения ядерной войны видный современный военный теоретик Федеративной Рес, публики Германии Рольф Паульс. «Проблема состоит не в том, — пишет он, — чтобы устранить атомное оружие. Это так же мало вероятно, как устранение электричества или «первородного греха». Проблема состоит в том, чтобы держать это оружие под контролем... Устрашение как оборонительно политический принцип является таким же старым, как стремление человека защитить себя от насильственного захватчика. Ядерное устрашение является революцией в политике безопасности, такой же, как изобретение огнестрельного оружия в эпоху уходящего средневековья (подчеркнуто нами. — В. З.), с той качественной разницей, что ядерное оружие является сугубо оружием устрашения, что его применение уничтожит и нападающего и защищающегося, что оно делает невозможным ведение войн»²⁸.

Можно лишь только сожалеть о том, что подобного рода иллюзии о «мировотворческой миссии» оружия массового уничтожения — типичный продукт и реликт старого политического мышления — проявляют такую живучесть и устойчивость. Катастрофа в Чернобыле просигнализировала человечеству самым трагическим образом, к чему может привести любой технический сбой, просчет или случайность в обращении с поистине демоническими силами микромира.

Сама логика слепой ориентации на стратегию устрашения как на фактор сохранения мира имеет еще ту негативную сторону, что она стимулирует все новые и новые витки гонки вооружений, изобретение и производство все новых и новых изощренных видов оружия массового уничтожения типа нейтронного оружия, бинарного химического оружия и пр. Последним словом в погоне за призраком военного превосходства над СССР о позиции стратегии устрашения является пресловутая «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ).

Сущность СОИ как проекта ведения «звездных войн» и ее возможных последствий для судеб человечества подроб-

нейшим образом освещалась средствами массовой информации, и здесь нет необходимости еще раз возвращаться к данному вопросу. Но как было бы полезно всем adeptам СОО вспомнить то, что говорил тридцать лет тому назад видный американский военачальник времен второй мировой войны генерал Омар Брэдли: «Мы растлили свой интеллект, создав такие средства разрушения, что нам сейчас грозит отчаянная опасность уничтожить самих себя... Ракеты повлекут за собой создание противоракет, а противоракеты, в свою очередь, повлекут за собой создание ракет, способных их уничтожить. Но неизбежно, что когда-нибудь весь этот электронный карточный домик достигнет такого размера, когда его нельзя уже будет строить... И когда наступит это время, мы мало что сможем, кроме как тревожно жить, подавляя свой страх под сгущающейся тенью угрозы гибели»²⁹. Поистине пророческие слова!

Ориентация на «звездные войны» — яркое свидетельство силы инерции старого догматического и дефицита нового мышления.

Новое политическое мышление честно и однозначно ориентирует человечество на безусловную ликвидацию всех арсеналов оружия массового уничтожения и сохранения мира не на равновесии страха, а на принципах новой глобальной этики, в основу которой должны быть положены общечеловеческие принципы морали, понятные и доступные всем людям нашей планеты.

Упомянувшийся выше автор сборника «Ядерная война и ядерный мир» Джеральд Сегал с горечью констатировал: «К сожалению, мир морали и интеллектуальной чистоты редко является миром политики...»³⁰

Новое политическое мышление требует раз и навсегда положить конец такому положению. «Ядерные державы, — заявил М. С. Горбачев, — должны перешагнуть через свою ядерную тень в безъядерный мир. И тем самым покончить с отторжением политики от общечеловеческих норм нравственности. Ядерный смерч сметет и социалистов, и капиталистов, и праведников, и грешников... мы выстрадали новое мышление, которое призвано ликвидировать разрыв между политической практикой и общечеловеческими морально-этическими нормами»³¹. Эти глубокие мысли о неразрывной органической взаимосвязи политики и нравственности как

важнейшей стороне и гарантии действенности нового политического мышления были развиты М. С. Горбачевым в его докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Успех нового политического мышления, а следовательно, спасение цивилизации от угрозы ракетно-ядерной катастрофы он вполне обоснованно поставил в зависимость от позитивного ответа на четыре принципиальных вопроса, прямо относящихся к политике и идеологии мира капитала. А именно: в состоянии ли целостные глобальные интересы и факторы всего современного человечества блокировать наиболее опасные проявления агрессивной природы империализма; в состоянии ли современный капитализм освободиться от традиционного спутника всей его истории — милитаризма; сможет ли обойтись мировая капиталистическая система без неоколониализма и, наконец, в состоянии ли осознание правящими кругами империалистических держав катастрофических последствий новой мировой войны реализовать в практическую политику сохранения мира?

Все эти вопросы — суть вопросы далеко не риторического свойства. Они выражают существо диалектики взаимодействия и противостояния основных политических установок двух мировых систем на современном переломном этапе исторического развития.

В конечном итоге судьбы цивилизации будут зависеть от осознания не только СССР и всеми сторонниками мира, но и теми, кто направляет политику ведущих капиталистических стран, той бесспорной истины, что «новое политическое мышление — это не просто декларация и призыв, а философия действия, если угодно — философия жизни»³². До тех же пор, пока эта философия жизни не станет достоянием всех, до тех пор, пока в мире капитала будут сохраняться влияние силы войны и милитаризма, у СССР и всех стран социалистического содружества не останется иной альтернативы, кроме как поддерживать на уровне разумной достаточности свою оборонительную мощь.

«Пока опасность войны сохраняется, — заявил М. С. Горбачев, — пока социальный реванш остается стержнем стратегии и милитаристских программ Запада, мы и впредь будем делать все необходимое для поддержания оборонной мощи на уровне, исключающем военное превосходство империализма над социализмом»³³.

БУРЖУАЗНЫЕ ИДЕОЛОГИ О НЕИЗБЕЖНОСТИ МИРОВОЙ ВОЕННОЙ КАТАСТРОФЫ

В историческом противоборстве двух мировоззрений отношение к проблеме войны и мира в современную эпоху занимает особое положение. Оно может служить безошибочным критерием степени прогрессивности и гуманности систем — социализма и капитализма — и тех общественных сил, идеологов и государственных деятелей, которые их персонифицируют и олицетворяют.

Страны социализма в силу самой их природы не нуждаются в войнах для своего существования и развития. Соответственно этому и идеология социализма ориентирована на идеалы мира и социального прогресса. Она исходит из твердой убежденности в возможности предотвращения мировой военной катастрофы. Эта убежденность положена в основу миролюбивой внешней политики социалистических стран.

Империалистические державы в соответствии с самой природой монополистического капитализма находятся в позиции глубокого антагонизма по отношению к идеалам мира. Как показывает опыт истории и реальные факты современной действительности, для данного строя война является своеобразным способом существования и поддержания господства. Соответственно этому и реакционная идеология империализма ориентирована на оправдание и обоснование идеи неизбежности войн, включая и мировую ракетно-ядерную катастрофу.

В этой связи заслуживает внимания критическое рассмотрение тех влиятельных буржуазных теорий и идейных установок, которые прямо или косвенно служат этой антигуманной цели. В числе такого рода теорий следовало бы прежде всего проанализировать те из них, которые одухотворяют и стимулируют агрессивную глобальную политику и стратегию американского империализма, и те, которые изы-

скивают доводы и аргументы мировоззренческого характера для оправдания идеи неизбежности военных катаклизмов.

Идеологические предпосылки агрессивной политики и стратегии американского империализма

Главным источником нагнетания международной напряженности и нарастания военной опасности, главным очагом экспансионизма и агрессии, подавления стремления народов к свободе и независимости является политика милитаристских кругов современного американского империализма. Претендуя на роль распорядителя судеб народов всего мира, США в широких масштабах осуществляют на международной арене практику государственного терроризма, угроз и произвола, ведения необъявленных войн, т. е. все то, что составляет содержание доктрины и стратегии «неоглобализма».

Идеологи и всякого рода пропагандисты и популяризаторы «американского образа жизни» прилагали и прилагают немало сил и энергии для того, чтобы создать Соединенным Штатам Америки репутацию «международного благодетеля и благотворителя», репутацию страны, руководствующейся альтруистическими принципами в своей политике. Однако в свете реальных фактов истории на земном шаре остается все меньше людей, которые разделяли бы иллюзии на этот счет.

Мощный и влиятельный военно-промышленный комплекс США определяет и диктует главные установки, цели и задачи глобальной стратегии этой страны на современном рубеже ее исторического развития.

Честолюбивые амбиции практически всех американских администраций послевоенного времени на первенствующее положение в мире, их претензии на роль своеобразного верховного арбитра и гаранта в сфере международных отношений, их открытое стремление диктовать свою волю другим государствам и учить другие народы «как надо жить» коренятся в особенностях формирования идеологии американской буржуазии в тесной связи с историей образования США и

их превращения в самую мощную державу капиталистического мира.

Предки современных американцев, колонизировавшие ту часть континента, на которой было основано государство США, были проникнуты духом воинствующего экспансионизма, причудливым образом сочетавшимся с духом религиозной экзальтации, пуританского мессианства и веры в свою богоизбранность.

Именно на этой духовной основе формировалась идеология одного из самых воинствующих отрядов современного империализма. Структурный анализ этой далеко не простой проблемы показывает, что наиболее реально выраженными компонентами идеологии американского империализма являются: религиозно-мессианская идея «явного предначертания», теория «баланса сил» и воинствующий антикоммунизм.

Идея «явного предначертания» была сформулирована политическими и религиозными деятелями США еще во второй половине прошлого столетия и превращена в идеологическую доктрину, оказывающую прямое воздействие на политику и стратегию Соединенных Штатов Америки, доктрину, освящающую и поощряющую экспансию и агрессию американского монополистического капитала.

Термин «явное предначертание» ввел в политический лексикон видный политический деятель США XIX столетия Джон Луис О'Саливан. В статье «Великая нация грядущего», относящейся к 30-м гг. прошлого столетия, он со свойственным ему духом патетической риторики писал: «Необъятное, безграничное будущее станет эрой американского величия. В своем великольном господстве над пространством и временем этой нации предначертано доказать всему человечеству превосходство божественных принципов: основать на Земле самый благородный храм. Основанием этого храма будет полушарие, его крышей — небесный свод, усыпанный мириадами звезд, и его паствой — союз многих республик, охватывающих сотни счастливых миллионов... управляемых по естественному и нравственному праву...»¹

В устах других проповедников «явного предначертания» оно мотивируется откровенной ссылкой на расовое превосходство «богоизбранного народа». Так, один из наиболее ярых проповедников «явного предначертания» реакционный

американский философ прошлого столетия Джон Фiske писал: «Той работе, которую начала английская раса, когда она колонизировала Северную Америку, предназначено продолжаться до тех пор, пока каждый участок суши на поверхности земли... не станет английским по языку, по своей религии, по своим политическим обычаям и традициям и в преобладающей степени по крови»².

Мистическим пафосом было проникнуто «явное предначертание» в устах американского конгрессмена прошлого столетия Джибсона: «Старый дух викингов вновь на этой земле. Это господствующий дух нашего народа. Он должен найти свой выход. «Явное предначертание» — его платформа, его царь, его вера и боевой клич, и, движимый этим духом и этим принципом, американский народ уже сейчас берет новый курс»³.

Приведенные высказывания проповедников «явного предначертания» со всей наглядностью изобличают эту претенциозную доктрину как откровенную философию экспансии и агрессии.

В лексиконе американских политических деятелей современной эпохи ссылки на «явное предначертание», как правило, отсутствуют: слишком претенциозно и вызывающее ее звучание. Однако незримое присутствие «явного предначертания» постоянно проявляет себя и в словах, и в делах многих политических деятелей США.

Практически все президенты США послевоенного времени пытались трансформировать идею «явного предначертания» своего государства в миссию мирового жандарма этой страны в отношении всех освободительных движений народов, и в первую очередь в тех регионах мира, в которых концентрируются интересы глобальной стратегии американского империализма.

Амбициозные, месснянские декларации, будучи переведены на язык реальной политики, означают претензии США на глобальное военное присутствие, на провозглашение зон американских жизненных интересов любого района земного шара и готовность к неограниченному использованию военной мощи по собственному усмотрению. «Если мы ценим нашу свободу, — заявил бывший министр обороны США Каспар Уайнбергер, — то мы должны быть в состоянии защищать себя в войнах любого размера и характера и в лю-

бом районе, где мы имеем жизненно важные интересы. Наши глобальные интересы и обязательства требуют, чтобы наши вооруженные силы приобрели большую дальность действия, мобильность и выживаемость, что связано с неотложной необходимостью развить лучшую способность реагировать на кризисы далеко от наших берегов и находиться там столько, сколько понадобится»⁴.

Вторым компонентом идеологии американского империализма, как уже было отмечено выше, является теория «баланса сил». В основе этой теории лежит гипертрофированная оценка американскими буржуазными идеологами роли силы в истории вообще и в сфере международных отношений в особенности. При этом они само понятие силы совершенно недвусмысленно сводят к военной мощи государства, возводя последнюю на пьедестал божественного поклонения и сверх всякой меры преувеличивая ее подлинную роль.

Идеальной моделью мирового устройства, с точки зрения теоретиков баланса сил, явилось бы такое устройство, при котором США могли бы осуществлять роль балансира в отношении всех других центров концентрации экономической и военной мощи, роль верховного арбитра и вершителя судеб всех стран и народов.

О такой модели мирового устройства мечтал еще в 1942 г. американский военный теоретик Страус-Хьюне. «Независимо от того, — писал он, — как будет выглядеть мировой порядок... его главные элементы будут насчитывать не более четырех или шести географических центров могущества. В интересах США — достижение такого мирового порядка, который располагал бы одним-единственным центром, откуда бы распространялся балансирующий и стабилизирующий контроль, — иными словами, арбитра, и чтобы этот балансирующий и стабилизирующий контроль находился в руках США»⁵.

При таких внешнеполитических и стратегических амбициях милитаризация страны и «силовое мышление» являются делом вполне естественным. То и другое служит главными предпосылками непрекращающихся усилий американского империализма навязать другим народам и государствам свою волю и свое видение «идеального мирового устройства».

Весь трагизм ситуации, складывающейся в современном мире в результате реализации на практике таких установок в области отношений между государствами, состоит в том, что в данном случае речь идет не об абстрактном понимании силы, а о ее реальном воплощении в современном оружии массового уничтожения и в недвусмысленной направленности этого оружия.

Наконец, третьим компонентом идеологии американского империализма, пронизывающим все аспекты его политики и стратегии, является антикоммунизм и его ядро — антисоветизм.

Антикоммунизм и антисоветизм в соединении с мессианской идеей «явного предначертания» и мистическим поклонением культу силы придают идеологии правящего класса США особенно экстремистский характер. «Черты агрессивного мессианства в политике, якобы исключительность и неповторимость государственных институтов... — справедливо отмечает в этой связи советский публицист С. Воловец, — все это родилось не сегодня и не завтра умрет. Но весь спектр ультраконсервативных представлений и ценностей американского фундаментализма начинает принимать злокачественный характер только при соединении его с доктриной антисоветизма как государственной политикой»⁶.

Американские апологеты капитализма стремятся во всех присущих капитализму социальных катаклизмах, во всех закономерных социальных, национальных, антиимпериалистических и антимонархических революциях усматривать «руку Москвы» и вину коммунистов. Из этого проистекает органическая неспособность многих политических деятелей США понять истинный смысл и историческую необратимость тех очистительных гроз, которые проносятся сейчас над нашей планетой, освобождая ее от изживших себя деспотических кровавых режимов, будь то режим шаха в Иране, режим Сомосы в Никарагуа, Иди Амина в Уганде или Пол Пота в Кампучии.

Высказанные оценки и положения относительно экспансионистских и агрессивных тенденций идеологии, внешней политики и глобальной стратегии США ни в коей мере не означают, что эти политика и стратегия фатальным образом обречены на то, чтобы и в будущем катиться по одному и тому же раз и навсегда заданному руслу. Глобализа-

ция международных проблем, осознание угрозы всеобщего уничтожения в случае возникновения мировой ракетно-ядерной войны будут оказывать влияние на политику и действия правящих кругов империалистических держав. Эту мысль с предельной ясностью высказал М. С. Горбачев в своем выступлении на встрече представителей партий и движений, прибывших в Москву на празднование 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. «Мы отнюдь не стремимся к тому, — заявил он, — чтобы нас «возлюбил» классовый противник. Нам это совсем не нужно. Мы рассчитываем на то, что жизнь заставит его считаться с реалиями и осознать, что все — в одной лодке, и вести себя надо так, чтобы она не перевернулась»⁷.

В докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» М. С. Горбачев, сделав акцент на реальную возможность демилитаризации экономики империалистических держав, заявил: «Мы убеждены... что при нынешнем уровне технологии и организации производства реконверсия, демилитаризация экономики возможны. Одновременно это будет и выбор в пользу мира»⁸.

Наличие этих возможностей может радикально изменить традиционно экспансионистский и агрессивный курс внешней политики США и их союзников, что намного оздоровило бы весь климат международных отношений и сняло бы угрозу ядерной катастрофы.

Несостоятельность попыток идейно-теоретического обоснования неизбежности войн

Как уже отмечалось, проблема войны и мира относится к числу тех проблем, которые привлекают самое пристальное внимание многих буржуазных философов и ученых. В их отношении к самому феномену войны в историческом плане прослеживается определенная закономерность. В тот период времени, когда буржуазия выступала на исторической сцене как прогрессивный класс, отношение ее идеологов к проблеме войны и мира являлось составной частью ее общего прогрессивного гуманистического мировоззрения.

Именно в этот период доминирующей тенденцией буржуазных идеологов в проблеме войны и мира была тенденция пацифизма. Именно в этот период времени раздавались пламенные призывы покончить с войнами и насилием над человеком, рождались трактаты и проекты «вечного мира».

Имена Эразма Роттердамского, Иоганна Гердера, Иммануила Канта вошли в золотой фонд человеческой культуры не только как имена величайших мыслителей своего времени, но и как пламенных проповедников мира между народами. Идеал французских просветителей Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье о «царстве разума» на Земле был также несовместим с войнами и насилием. Однако уже со второй половины XIX столетия, после того как буржуазия прочно укрепила свою власть во всех главных странах Европейского континента, противопоставив свои эгоцентрические классовые интересы интересам трудящихся масс, ей больше не понадобились идеи гуманизма и пацифизма. Ее идеология этого периода начала переосмысливать мир и сущность человека с позиций иррационализма и обреченности на вечную борьбу. Эта новая тенденция, новая мировоззренческая ориентация со всей отчетливостью проявилась в социал-дарвинизме, в расовой теории Гобино, в реакционной «философии жизни» Фридриха Ницше.

Именно представители этих реакционных мировоззренческих течений заложили основы того понимания сущности войн и природы насилия, которые оказали решающее влияние на все последующее развитие буржуазной мысли вплоть до ее нынешнего состояния. Именно они сформулировали со всей недвусмысленностью тезис о том, что причины войн, насилия и всякого рода жестокости коренятся в самой природе человека, и человеческое общество является ареной жестокой и непримиримой борьбы за существование — борьбы, из которой победителем выходит более сильный и беспощадный. Сама же война является способом существования людей, она неизбежна.

Ф. Ницше, например, со свойственной ему категоричностью суждений поучал: «Вы должны любить мир, как средство к новой войне, и короткий мир больше, чем длительный... Вы говорите, что благое дело освящает даже войну, я говорю вам: «благая война освящает всякое дело»². Исходя из главной мировоззренческой константы своей фи-

лософии — «воли к власти», Ницше считал, что само существование человека и вся жизнь общества неотделимы от насилия, эксплуатации, подавления, взаимоистребления. «Сама жизнь, — писал он, — есть в основе своей присвоение, нанесение вреда, преодоление чуждого и более слабого, подавление, твердость и по меньшей мере даже в самом мягком виде — эксплуатация»¹⁰.

Вполне закономерно, что такого рода воззрения Ницше оказали самое прямое и непосредственное влияние на формирование фашистской доктрины массового уничтожения людей. «Нет ничего удивительного в том, — отмечает в этой связи известный исследователь и критик фашизма из ГДР-профессор Иоахим Петцольд, — что Ницше стал духовным идолом фашизма и империализма»¹¹. Это случилось потому, что до Ницше «никто и никогда так откровенно и brutally не возводил в идеал варварское и бесчеловечное»¹².

Переход домонополистического капитализма в стадию империализма и первая мировая империалистическая война с ее бессмысленными жертвами и разрушениями породили новую плеяду реакционных буржуазных мыслителей, рассматривающих войну как естественное и неизбежное явление человеческой природы и общественной жизни. Одним из наиболее ярких представителей такого рода воззрений на войну является Освальд Шпенглер, реакционный немецкий философ первой трети XX столетия. Свои взгляды на природу войн, на их неизбежность и неустранимость в человеческом обществе Шпенглер выразил в работах «Закат Европы» и «Пруссачество и социализм». Резюмировал же он их незадолго до своей смерти в 1936 г. в ответе по телефону на вопросы корреспондента американского радио: «Мир — это желание, война — это факт, — заявил он, — и человеческая история никогда не заботилась о человеческих желаниях и идеалах. Жизнь — это вечная борьба между растениями, животными и людьми, борьба между отдельными классами общества, народами и государствами, в какой бы форме — хозяйственной, социальной, политической или военной — она не разыгралась. Можно назвать отдельного индивида, который применяет насилие, преступным, класс — революционным или предательским, народ — кровожадным, но это ничего не меняет в самом факте, и если бы даже

мир был единым государством, войны назывались бы восстаниями... Пацифистские идеалы означают предсмертное состояние, которое противоречит реальностям жизни... Пока существует человеческое развитие, до тех пор будут войны»¹³. Этот предсмертный панегирик войне Шпенглер оставил как резюме всего своего эсхатологического философствования о неотвратимости гибели цивилизации.

Вторая мировая война, обрекая человечество на неслыханные разрушения и бедствия, порождая массовое уничтожение людей как на полях сражений, так и в гитлеровских лагерях смерти, послужила своеобразным импульсом для усиления иррационалистических тенденций в буржуазной идеологии, что особенно проявилось в объяснении истоков и причин военных катаклизмов в человеческом обществе. Буржуазная мировоззренческая мысль 50-х и 60-х гг. проникнута духом глубокого иррационализма и пессимизма. В эти годы в капиталистических странах было опубликовано огромное количество книг, в которых их авторы — представители самых различных течений и направлений буржуазной философской, социологической, психологической и военно-теоретической мысли привлекли к использованию широчайший спектр доводов и аргументов в пользу идеи неизбежности войн в человеческом обществе. Идеи буржуазных философов, социологов и политологов в это время формировались под прямым воздействием двух факторов: трагических событий второй мировой войны и появления оружия массового уничтожения, в которых они усмотрели реальное основание для конструирования апокалипсических прогнозов будущего. Эти идеи с некоторыми модификациями стали достоянием воззрений буржуазных идеологов 70-х и 80-х гг., в силу чего представляется целесообразным рассмотреть их в едином комплексе.

Разумеется, наряду с откровенными проповедниками идеи неизбежности новой мировой войны и «пророками ядерного апокалипсиса» в буржуазной идеологии существует и другая влиятельная тенденция — тенденция пацифизма и антимилитаризма. Достаточно назвать имена Альберта Швейцера, Альберта Эйнштейна, Тейяра де Шардена, Бертрана Рассела. Эти и другие прогрессивные мыслители современности внесли огромный вклад в борьбу за сохранение мира и предотвращение мировой военной катастрофы. Одна-

ко цель настоящей брошюры состоит прежде всего в том, чтобы выявить и показать несостоятельность воззрений тех буржуазных идеологов, которые стремятся доказать и обосновать фатальную неминуемость мировой военной катастрофы.

Западногерманский политолог Курт Ферверз в своей прокинутой духом мрачного пессимизма и апокалиптического видения финала человеческой истории книге «Война на уничтожение» почти дословно повторил констатации и прогнозы Шпенглера применительно к эпохе оружия массового уничтожения: «Атомные бомбы, ракетные снаряды, бомбардировщики, тяжелые танки и подводные лодки являются так называемыми достижениями современного века... Но война, которой они служат, является вневременной... Потому что она, очевидно, лежит в основе человеческой природы и человеческого характера. Как в индивиде воля и побуждение к столкновению с другими прорывается изнутри, точно так же они проявляют себя в судьбе человеческих групп, народов и рас. Даже всеохватывающее мировое государство не могло бы в этом ничего изменить. Самое большее, чего удалось бы достичь, — это выбрать для военных столкновений другие обозначения: восстания, путчи и т. д. Но дело ведь не в словах, а в фактах. И нравится нам это или нет: война продолжает оставаться фактом в жизни человека и народов. О вечном мире поэтому могли бы мечтать только фантасты... Война является такой же необходимостью в истории, как становление и гибель, жизнь и смерть в природе»¹⁴. Чтобы ни у кого не осталось никаких сомнений относительно участи, ожидающей человечество, и тем более каких-либо оптимистических надежд, Ферверз закончил свою книгу такими словами: «Невидимое облако уничтожения уже грозит с неба. Ты слышишь, как стучит счетчик Гейгера?»¹⁵.

Совершенно очевидно, что подобные утверждения не опираются на научные доказательства, и их авторы добровольно взяли на себя миссию апокалиптических пророков.

Свою осязаемую ленту в обоснование идеи неизбежности войн внесли в этот период и последователи психоаналитической теории Зигмунда Фрейда.

Сам он, хотя и не занимался специально проблемой возникновения войн, тем не менее был уверен в том, что их корни заложены в биологической природе человека. Уче-

ние Фрейда об «инстинкте агрессии» и «инстинкте смерти», якобы заложенных в генетической природе каждого отдельного человека, практически явилось попыткой с позиции науки реабилитировать все проявления насильственных действий людей, включая и войны.

Для многих последователей этого более чем сомнительного учения Фрейда наличие врожденных инстинктов агрессии и смерти является чем-то само собой разумеющимся и служит исходной предпосылкой для объяснения «величайших взрывов человеческого безумия», проявляющегося в кровопролитных войнах прошлого и настоящего. Оба эти инстинкта в их зловещем сочетании должны повлечь за собой неминуемую гибель всего рода человеческого.

Эту точку зрения со всей определенностью изложил левокатолический приверженец идей Фрейда Вильфрид Дайм в книге «Тотальная гибель», изданной в Мюнхене. «Человек, — писал Дайм, — носит в себе тенденцию собственной гибели. Она состоит из агрессии против себя самого и против окружающего мира. В обоих случаях конечной целью может быть только смерть, собственное или чужое уничтожение»¹⁶.

Дайм, хотя и признает эту тенденцию патологическим явлением, тем не менее считает ее имманентным свойством человеческой природы: «Инстинкт смерти, — утверждает он, — является полностью неразумной и неадекватной реакцией, направленной против жизни, в высшей степени патологической, но присущей всем людям»¹⁷.

Дайм не ограничился прямыми заимствованиями идей у Фрейда, но попытался углубить своего учителя. Он выдвинул в этой связи идею о наличии у людей врожденного и непреодолимого стремления к тотальной агрессии с целью уничтожения всего существующего вообще и обозначил это стремление как сатанинский аффект.

Дайм считает, что данный аффект до сих пор полностью «не сработал» и не привел к полному уничтожению всей цивилизации лишь в силу ограниченности технических возможностей достижения этой цели. Однако в современную эпоху такие возможности имеются в наличии более, чем в избытке, и посему-де всеобщая гибель человечества является скорой и неминуемой.

«Сатанинский аффект, — утверждал Дайм, — не мог

еще до сих пор достичь своего полного значения потому, что его цель была полностью иллюзорной... так как не существовало средств, чтобы ее достичь. Сатанинский аффект — это тотальная агрессия с целью уничтожить всю существующую действительность. Теперь в эпоху атомного вооружения «сатанинский аффект» впервые в истории располагает возможностью реализации своей цели»¹⁸.

Восходящая к воззрениям основателя психоанализа идея присутствия в человеке врожденного инстинкта смерти и разрушения получила свое дальнейшее развитие в воззрениях крупнейшего современного буржуазного психолога, основателя института психологии при лондонском университете, автора более чем сорока книг и монографических исследований Ганса Айзенка. В статье «Война в природе человека?», напечатанной в западногерманской газете «Дойче националь-цайтунг», он утверждает: «Инстинкт смерти трансформируется в инстинкт разрушения. Он обращен вовне, направлен на определенные цели. Живые существа в известном смысле разрушают чужую жизнь с тем, чтобы сохранить свою собственную»¹⁹.

Из этого утверждения со всей недвусмысленностью вытекает вывод о том, что инстинкт смерти, трансформированный в «инстинкт разрушения», обрекает род человеческий на вечную и неискоренимую войну, на уничтожение в силу своей внутренней природы. И с этой точки зрения, войны и насилие в человеческом обществе — явления, естественно обусловленные и закономерные.

Многие буржуазные исследователи, стоящие на мировоззренческих позициях фрейдизма, дедуцируют агрессивные проявления у людей как результат «неумения рационально канализировать сексуальную энергию». Прорывающаяся в виде разрушительной силы неизрасходованная сексуальная энергия является, с их точки зрения, источником войн, революций и других социальных потрясений. На этот счет со всей недвусмысленностью высказывается западногерманский автор Зигфрид Кайль: «Подавление и вытеснение сексуальности усилили агрессивный и разрушительный момент западноевропейской истории. С этим связаны крестовые походы, преследования еретиков, сожжения ведьм вплоть до войн нашего времени, так что в эпоху атомных и водородных бомб уничтожение человечества может стать

следствием подавления сексуальности»²⁰. Столь же категорически высказывается профессор института психоанализа и психосоматической медицины во Франкфурте-на-Майне Тобиаш Брохер: «Агрессия, — заявляет он, — находится в определенном отношении к творческим силам жизни, к сексуальности»²¹. И дальше: «Мы знаем, что каждое грубое подавление биологических сил полового инстинкта усиливает напряженность инстинкта агрессии»²².

Некоторые буржуазные исследователи склонны в такой степени преувеличивать значение сексуального фактора, что считают, будто вся человеческая история могла бы пойти по иному пути, если бы те или иные выдающиеся личности не страдали сексопатологическими отклонениями. Так, например, известный английский антрополог и социальный философ Д. Моррис заявляет, что честолюбивое стремление Наполеона завоевать весь мир, равно как и садистическая жестокость Гитлера, проявившаяся в массовом уничтожении людей, были обусловлены какими-то отклонениями от нормы в сексуальной сфере. «И остается гадать, — глубоко мысленно рассуждает Моррис, — насколько бы изменился ход европейской истории, будь они сексуально нормальными»²³.

В стремлении обосновать идею неизбежности войн и самоуничтожения человечества с позиции агрессивных инстинктов человека неотрейдизм нашел своих «естественных союзников» среди представителей того течения буржуазной мысли, которое получило название «социальная этиология».

К его представителям относится группа буржуазных ученых, рассматривающих все феномены социального поведения людей как результат неустранимого воздействия врожденных инстинктов, унаследованных людьми от их животных предков. Иными словами, здесь идет речь о неизбежном проецировании поведения животных на поведение людей.

В оценке перспектив сохранения мира представители социальной этиологии единодушны в своем мировоззренческом пессимизме; накладывая же агрессивные инстинкты людей на продукты их интеллектуальной деятельности (эта деятельность идентифицируется с созданием оружия массового уничтожения), они столь же единодушны в предсказывании апокалиптического финала человеческой истории.

Наиболее концентрированно идеи социальной этиологии были сформулированы в изданной в 1963 г. в Вене, а затем неоднократно переиздававшейся книге виднейшего представителя данного течения Конрада Лоренца «Так называемое зло»²⁴. Полностью игнорируя какие-либо различия между сферами биологического и социального, этот крупный буржуазный исследователь-этолог становится на путь недопустимых с точки зрения требований науки примитивных аналогий²⁵.

Еще более категоричен его единомышленник Роберт Ардри: «Инстинкт хищного зверя, — пишет он, — который никогда не находился полностью под контролем разума, может теперь, освободившись от всех тормозов, толкнуть нас на бесконечные конфликты вплоть до того момента, пока род человеческий не вымрет окончательно. Великая и трагическая раса исчезнет с лица Земли»²⁶. Анализируя смысл посылок и выводов представителей социальной этиологии, нетрудно заметить, что по своей сути данное течение представляет собой не что иное, как модификацию и рафинированный вариант социал-дарвинизма. В том и другом случае речь идет о сведении социального к биологическому, об игнорировании качественного своеобразия социального бытия людей и законов развития человеческого общества.

70-е гг. нашего столетия, которые ознаменовались известной разрядкой напряженности в отношениях между странами НАТО и Варшавского Договора, косвенно отразились и на степени активности представителей буржуазной идеологии в плане обоснования с помощью различных аргументов идеи неизбежности войн. В эти годы несколько сократилось число публикаций, посвященных оправданию и обоснованию тезиса о неизбежности военного столкновения между США и Советским Союзом и прямого следствия этого столкновения — мировой термоядерной катастрофы.

Однако на рубеже двух десятилетий — 70-х и 80-х гг. — положение вещей в этом отношении существенно изменилось. Используя явно надуманный предлог — ввод ограниченного контингента советских войск в соответствии с договорными обязательствами и нормами международного права в Афганистан, — реакционные круги империалистических держав встали на путь прямой «психологической войны» против СССР и эскалации военного противостояния.

На страницах буржуазной литературы, связанной с рассмотрением проблем войны и мира в 80-е гг., вновь зазвучали идеологические ноты самого разнообразного характера в пользу роковой неизбежности конфликтов и военных катастроф. Не содержа в себе ничего принципиально нового и по сравнению с тем, что говорилось по этой проблеме, скажем, в 50-е и 60-е гг., эти аргументы сторонников неизбежности войн 80-х гг. тем не менее симптоматичны в том отношении, что в них преломляется общая специфика исторического развития и расстановки сил в мире на склоне XX столетия. В этом отношении представляет несомненный интерес изданный в Бонне в 1981 г. сборник «Международные войска», на страницах которого изложили свои взгляды по проблеме войны и мира в современную эпоху видные представители военно-теоретической мысли стран Североатлантического союза.

Наряду с рассмотрением вопросов сугубо военно-стратегического характера, вопросов наиболее эффективного использования вооруженных сил НАТО против стран Варшавского Договора авторы сборника высказывают также свои взгляды и суждения по проблеме неизбежности войн. Пессимистическая оценка данной проблемы, связанная с традиционной апелляцией к «иррациональной» и «агрессивной» природе человека, наиболее отчетливо выражена в статье видного французского военного теоретика, начальника высшей военной школы Арно де Фуайяра «Рассмотрение французской политики безопасности». «Как константа, вызывающая особое беспокойство, — пишет он, — проявляет себя человеческая природа, которая, будучи столь щедрой на благородные и возвышенные устремления, в то же самое время склонна к крайним насильственным акциям. Она во все времена остается неизменной»²⁷. (Подчеркнуто нами. — В. З.). Характеризуя обстановку, сложившуюся в современном мире, Фуайяр констатирует: «Человеческая природа не изменилась, и человечество продолжает жить на огненном очаге столкновений между различными общностями»²⁸.

Продолжая в таком же ключе нить своих рассуждений и одновременно полемизируя с теми буржуазными авторами, которые, хотя бы в абстракции, допускают возможность установления «вечного мира» на Земле, Фуайяр резюмирует: «Война, хотя и в новых формах, обусловленных характером

времени... является специфическим свойством человеческого рода, и был бы сумасшедшим тот ответственный государственный деятель, который бы принимал прекраснотушные мечты о вечном мире за объективные факты нашей человеческой действительности»²⁹.

Такая категоричность суждений современного буржуазного теоретика относительно неизбежности войн как следствия иррациональности и агрессивности человеческой природы совпадает с аналогичными суждениями Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера, Курта Ферверза и других. Она свидетельствует о прямой преемственности воззрений буржуазных авторов по проблемам войны и мира, более того, о сформировавшейся устойчивой традиции рассмотрения перспектив мира и войны с позиции крайнего мировоззренческого пессимизма.

Непоколебимая убежденность А. де Фуайяра в невозможности сохранения мира тем более парадоксальна, что, судя по его оценкам последствий применения в современной войне оружия массового уничтожения, он в полной мере отдает себе отчет в реальном характере такого рода последствий. «Атомная битва, — пишет он, — может привести нас только к атомной катастрофе, и защита в ней не может быть осуществлена на руинах того, что должно защищать»³⁰.

Идея фатальной обусловленности войн самой природой человека и бесполезности каких-либо усилий, направленных на их устранение из жизни общества, особенно широко интенсивно пропагандируется на страницах реваншистской литературы в Федеративной Республике Германии.

Весьма примечательной в этом отношении является передовая статья, напечатанная в журнале «Доброволец». Статья, вне всяких сомнений, отражает взгляды редакции данного журнала. И содержание этой статьи, и сам стиль изложения позволяют прийти к заключению, что это своеобразный манифест и апофеоз идеи неизбежности войн в человеческом обществе. Вот что в ней, например, говорится: «В человеке заложено органическое непринятие мира, борьба и жажда соперничества. Это знают все философы... До сих пор любое военное затишье было только вздохом в вечной борьбе народов. Целая цепь насильственных, кровавых, все время меняющихся коалиций проходит через всю мировую историю. Меняются интересы, меняются коалиции, про-

водятся бесчисленные конференции по разоружению, но никто не разоружается, а только лишь вооружается новыми системами оружия»³¹. Следующий далее ход рассуждений приводит к выводу о том, что, собственно говоря, и разоружение, если бы такое когда-либо осуществилось, не спасло бы людей от взаимоистребления. «Человеческие души, — говорится далее в статье, — остаются воинственными, склонными к насилию, ищущими преимущества, утверждающими эгоизм. Даже если бы когда-нибудь осуществилось тотальное разоружение, остались бы орудия каменного века и сучья деревьев, чтобы убивать друг друга... То, что такое жестокое положение вещей вряд ли возможно изменить, представляется бесспорным»³².

Анонимный автор или авторы этой статьи категорически исключают какую-либо иную альтернативу. «Кто думает иначе, — утверждается в заключение статьи, — живет в мире иллюзий... Все другие мнения на этот счет оставались до сих пор морализирующим ханжеством»³³.

Эти же самые идеи развивает в выше упомянутой статье и Ганс Айзенк: «Там, где у человека нет никакого оружия, он бьет и убивает своими кулаками. Оружие — это всего лишь удлинение рук, ног и зубов у человека. Войны ведет человек, а не оружие, и именно психология может помочь нам разобраться в этом»³⁴.

Характерно, что даже такой серьезный ученый, как Робин Кларк, автор вышедшей в Англии книги «Наука войны и мира», также разделяет точку зрения о врожденной агрессивности человека. «С точки зрения биологии, — пишет он, — человек относится к типу животных, который лучше всего назвать невооруженным позвоночным. Его руки не равноценны такому оружию агрессии, как когти и копыта, рога и клыки, яд и бивни, но как ни странно, это физически слабое существо, именуемое человеком, относится к самому кровожадному виду из всех когда-либо господствовавших на Земле»³⁵.

Убеждение в том, что война является перманентным состоянием бытия людей, что истоки ее заложены в человеческой природе, уходящее своими корнями к воззрениям европейских представителей «философии жизни» и социал-дарвинизма, вместе с экспортом капитала проникает и на другие континенты, становясь важнейшей составной частью

идеологии господствующего класса. Не об этом ли свидетельствует, например, высказывание латиноамериканского политолога М. Грондоны? «Мир, — утверждает он, — приходит к нам только лишь тогда, когда предыдущая война исчерпала бешенство агрессивности. Человек не миролюбив. Иногда он отдыхает и называет этот отдых миром... каждое поколение прабует вино насилия и потом, пресытившись, отдыхает. Каждое поколение. Все поколения, кроме нашего... Война всегда с нами. Война — это новое имя мира»³⁶.

На страницах буржуазной литературы мировоззренческого характера нередко можно встретиться с попытками своеобразной глорификации и романтизации смерти. Война же в таких случаях выступает как героическая форма перехода человека в вечность.

Подобного рода мотивы пронизывают все литературное творчество апологета войны Эрнста Юнгера, которому в марте 1935 г. исполнилось 90 лет. За год до этой даты один из его восторженных поклонников и издатель его восемнадцатитомного собрания сочинений Рудольф Прокш в письме, адресованном Юнгера, весьма выразительно отметил эту черту его творчества: «Смерть выступает в ваших произведениях не как несчастье, она скорее сопровождает Ваши произведения, как форма бытия, как состояние человека, как Ваше собственное состояние, которое позволяет взглянуть на жизнь с другой стороны»³⁷. Говоря далее о тех мрачных сторонах творчества Юнгера; которые однозначно ориентировали немецкую молодежь на бессмысленную смерть в сражениях второй мировой войны и превращали ее в слепое орудие гитлеровских преступлений, Прокш подобострастно декларирует: «Ваши книги о войне, которые перешли нам, молодым людям, как священное завещание, войдя в нашу плоть и кровь, сделали нас способными перенести вторую мировую войну и выстоять»³⁸.

Сам же Юнгер в свойственной ему манере эстетствующего гурмана романтики смерти на поле брани выпендренно говорит о ней как о «темном и опьяняющем вине» и «решающем триумфе бытия и существования»³⁹.

Как видно, этого воинствующего, патологического некрофила не исцелили душевно и не призвали к здравому смыслу ни семь ранений, полученных им в первой мировой

войне, ни ужасы второй мировой войны, которые не пощадили и его родину — Германию.

Тенденцию понимания смерти как реванша над жизнью можно встретить и в рассуждениях представителя и иного поколения и иной школы (левый экстремизм, трансформировавшийся в буржуазную респектабельность) Андре Глюксмана: «Война, — заявляет он, — выражает реванш природы над культурой, природы неорганической над природой органической, смерти над жизнью»⁴⁰.

В такого рода рассуждениях и констатациях буржуазных идеологов звучит все та же иррационалистическая и пессимистическая нота, которая ориентирует людей на фатальное отношение к войне и смерти.

При всей внешне научной, а точнее сказать, псевдонаучной респектабельности идей рассмотренных выше представителей различных течений буржуазной мировоззренческой мысли можно констатировать, что они страдают коренным пороком: непониманием социальной сущности человека и принципиальной несводимости этой сущности к совокупности факторов биологического и психологического характера.

Все они прямо или косвенно исходят из того, будто в сфере природы и общества действуют одни и те же закономерности, будто люди в своих действиях и поступках, по существу, ничем не отличаются от животных и что им, как и многим животным, присущи врожденные агрессивные воинственные инстинкты, в силу которых война является естественным состоянием всего живущего. Они отрицают принципиальные качественные различия между природой и обществом. Сам по себе такой подход, разумеется, не нов и не оригинален. Он основан на непонимании и отрицании глубокого качественного своеобразия человека и человеческого общества.

Между тем это своеобразие существует, является реальным фактом социального бытия человеческих индивидов, в корне отличающегося при наличии многих чисто внешних признаков сходства от бытия животного-растительного мира. Любое, в том числе самое высокоорганизованное, животное пассивно приспособляется к природе. Человек является активным субъектом своей собственной истории. Он активно

воздействует на природу, в процессе труда изменяет и преобразует ее в своих целях и интересах. Труд как процесс целенаправленного воздействия на природу является специфически человеческим свойством. Он создал самого человека. Благодаря труду человек стал социальным существом и как таковой подвержен действию качественно новых закономерностей, присущих только человеческому обществу.

Ф. Энгельс исчерпывающе разъяснил смысл существенного отличия между обществом людей и миром животных, указывая на неправомерность перенесения закономерностей последнего на человеческое общество: «Существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае собирают, тогда как люди производят. Уже одно это — единственное, но фундаментальное — различие делает невозможным перенесение... законов животных обществ на человеческое общество»⁴¹.

В. И. Ленин указывал на недопустимость биологического истолкования явлений общественной жизни. Он отмечал, что «перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза»⁴².

Весьма уместно в этой связи вспомнить высказывание такого крупного буржуазного исследователя в области истории, как Р. Дж. Коллингвуда, который полемизировал с теми, кто, спекулятивно обыгрывая факт эволюции, голословно утверждает, будто происхождение человека из животного мира идентифицирует его с животными и с их агрессивными инстинктами. «Трилобиты силурийского периода, — остроумно замечает Коллингвуд, — могут быть предками млекопитающих, включая нас самих, но человек отнюдь не разновидность мокрицы»⁴³.

Говоря о свойственной буржуазному мышлению тенденции биологизировать и психологизировать человека и человеческое общество и под этим углом зрения рассматривать проблему войны и мира, следует подчеркнуть еще один важный момент.

Приписывая людям черты и признаки, свойственные животным, буржуазные идеологи, по существу, исключают возможность не только социального, но и нравственного прогресса, который мог бы изменить природу человека в лучшую сторону. Возможность социального

и нравственного перевоспитания личности ими, таким образом, практически полностью исключается.

Биологическая субстанция человека объявляется вечной и неизменной, и поскольку она де от природы наделена врожденной склонностью к насилию и агрессии, война превращается в естественное состояние и неустранимое явление человеческого общества.

Логическим выводом из рассмотренных выше концепций является полнейшая бесполезность и бесперспективность борьбы за сохранение мира и предотвращение новой мировой войны.

Представители психобиологических теорий сводят человеческую сущность к различным проявлениям психики, притом, как правило, сугубо негативного характера, с той целью, чтобы сущность человека могла служить своеобразной цитаделью сторонников идеи неизбежности войн в обществе. Сводя человеческую сущность к психическим проявлениям индивида, они тем самым искусственно отделяют и изолируют ее от ее основы — отношений со всем обществом. О человеческой сущности можно говорить только лишь в ее отношении к обществу, ибо сам человек является продуктом развития общественных отношений. «...Сущность человека, — указывал К. Маркс, — не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁴⁴.

Марксизм-ленинизм не отрицает существования и значимости психических свойств индивида. Однако это учение выступает против того, чтобы данные свойства выводились из самих себя, против того, чтобы под них подводился какой-либо мистический базис, равно как и против вульгарно-биологического и абстрактно-антропологического истолкования человеческой сущности. Сколь бы индивидуальными ни казались психические проявления, действия и поступки того или иного человека, они обусловлены в конечном счете его сложными и многообразными отношениями с обществом. Всякое противопоставление индивида обществу и общества индивиду является идеалистическим и антинаучным, ибо нельзя отрывать явление от сущности.

«Прежде всего следует избегать того, — указывал К. Маркс, — чтобы снова противопоставлять «общество», как

абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявлениями жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни»⁴⁵.

А это означает, что вместе с развитием общества и в зависимости от этого развития развивается и изменяется сущность отдельного индивида. Следовательно, в человеческой сущности отсутствуют какие-либо неизменные свойства мистического происхождения или биологической природы. Человеческая агрессивность, жестокость, злость, глупость и другие не менее «лестные» характеристики, коими буржуазные идеологи щедро наделяют человека, коль скоро таковые имеют место у того или иного индивида, являются прежде всего продуктом определенных общественных отношений и отнюдь не всеобщими свойствами всех людей, как это пытаются изобразить буржуазные антропологи.

Несомненен тот факт, что именно капиталистические общественные отношения порождают и культивируют различные негативные проявления индивидуальных свойств человеческой личности, морально калечат и уродуют человека. Только идеологи умирающего класса и гибнущего общественного строя могут внушать людям, что сама природа человека обрекает его на неизбежность военных катастроф.

Однако у читателя не должно сложиться впечатление, будто все аргументы буржуазных идеологов в пользу идеи неизбежности войн сводятся в конечном счете к иррациональному и биологическому пониманию сущности человека и человеческого общества. Такого рода аргументация, конечно, занимает доминирующее положение, но в арсенале тех, кто ориентирует людей на фатальное отношение к проблеме войны и мира, имеется немало аргументов и другого характера в пользу все той же мрачной перспективы — вечно жить под страхом войны и в конечном счете сгореть в огне термоядерной катастрофы.

В этой связи было бы уместным напомнить еще об одной весьма опасной тенденции, свойственной современной реакционной идеологии империализма. Речь идет о достаточно глубоко укоренившейся тенденции разглагольствовать о коренной противоположности и непримиримости Запада

и Востока, причем сами эти понятия трактуются не столько в географическом, сколько в метафизическом и мистическом смысле. Из предпосылки такого рода «противоположности» и «непримиримости» Запада и Востока недвусмысленно дедуцируется вывод о неизбежности конфликта и войны между ними не на жизнь, а на смерть. Положение осложняется тем, что эта мифическая идея коренной противоположности Запада и Востока стала, по существу, составной частью идеологии атлантизма.

Одним из первых реакционных идеологов, который начал активно пропагандировать данную идею, был все тот же Эрнст Юнгер. В период второй мировой войны, когда германский фашизм заливал кровью Европу и вел преступную войну против Советского Союза, идеи Юнгера о «добродетелях Запада и «варварстве» Востока верно и надежно обслуживали заказы пропагандистского ведомства Геббельса. После окончания второй мировой войны Юнгер вновь вернулся к этой теме в своей книге «Гордиев узел», написанной в 1953 г. Спекулятивно рассуждая о дихотомии «Запад—Восток», он писал на страницах своей книги: «Мы ощущаем силу тяжести этого континента, мы слышим угрожающий звон цепей с Кавказа... Все тот же ужас предшествует вторжению орд с Востока, когда небо окрашивается заревом пожара. Перед этим бледнеет угроза поражения от руки себе подобных в войне между нациями и даже в гражданской войне, а защита форпостов становится самой священной задачей. Она снимает все различия, все унаследованные тяжбы между народами Запада. Господство свободного духа над миром покупается наивысшей ценой. Это испытание, и для того чтобы его выдержать, жертвенный путь неизбежен»⁴⁶.

Вдумываясь в смысл всей этой псевдопатетической риторики, чуждой здравому смыслу и историческим фактам, нельзя расценить ее иначе как своеобразную хартию необходимости перманентной вражды между Западом и Востоком и новой войны на уничтожение между ними.

Эта абсурдная идея приобретает, однако, самые зловещие и опасные очертания в свете той политики, которую страны НАТО проводят в отношении Советского Союза. Агрессивный и неконструктивный характер этой политики

дает реальные стимулы к реализации дихотомии «Запад—Восток» и порождает все новых и новых ее апологетов.

Весьма симптоматичной в этом отношении является статья, напечатанная в испанском военно-теоретическом журнале «Армия». Ее автор — один из современных идеологов атлантизма полковник Сереседá. «Культурный антагонизм между Западом и Востоком, — утверждает автор, — начался не сегодня, и не вчера. За ним — столетия»⁴⁷. После этой констатации Сереседá раскрывает свое понимание существа данного антагонизма применительно к современной эпохе: «борьба идет в данном случае не между Востоком и Западом вообще, а между субстанционально различными цивилизациями, цивилизацией греко-римской свободных людей... и цивилизацией степной, холодной, как тундра, асоциальной и герметичной, как нищие племена голодных охотников... грубых как грубость невежества...»⁴⁸. Рассуждения Сереседы не только дублируют геополитические бредни Юнгера, но и очень близки как по смыслу сказанного, так и по стилю изложения к расовой доктрине Альфреда Розенберга, положенной в основу его печально известного «Мифа XX столетия»⁴⁹.

Все спекуляции на попытках противопоставления «культурного Запада дикому Востоку» как раньше, так и теперь пропитаны духом зоологического антикоммунизма и антисоветизма. Они служат неблагодарной цели обоснования и оправдания неизбежности ядерной войны между странами НАТО и странами Варшавского Договора.

С солдатской прямолинейностью о неизбежности такой войны заявляет, например, видный французский военный теоретик генерал Жан Сальван: «Наш выбор является трагическим: Верден или Освенцим, Хиросима или Орадур сюр Глан»⁵⁰. Круг, таким образом, замыкается: от туманных рассуждений буржуазных философов об иррациональности человеческой сущности до прямой констатации неизбежности конфликта между двумя системами как следствия их социальной и идеологической несовместимости, закамуфлированной в доктрине извечной вражды между Западом и Востоком. А это и есть философия агрессии, философия неизбежности мировой термоядерной катастрофы, философия ядерного безумия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопреки пессимистическим прогнозам и зловеющим пророчествам идеологов буржуазии человеческое общество уверенно набирает темпы в своем прогрессивном поступательном развитии.

Весь ход развития событий в современную эпоху убедительно опровергает апокалиптические предсказания реакционных буржуазных идеологов. «Неизбежная гибель», которую они пророчат человечеству, есть не что иное, как исторически закономерная гибель того строя и того класса, которому они служат, чьи интересы и устремления они выражают.

Отношение современных реакционных буржуазных идеологов к проблеме войны и мира, их стремление ценой каких угодно аргументов доказать неизбежность мировой термоядерной катастрофы — это одно из ярких проявлений несостоятельности империализма, несущего в себе реальную опасность такой катастрофы. Вместе с тем — это яркое проявление глубокого кризиса идеологии империализма, стремящегося убедить человечество в том, что мировая термоядерная катастрофа неотвратима.

Несмотря на крайне сложную, противоречивую и во многом до конца не исследованную панораму явлений современной эпохи, имеющих прямое отношение к проблеме войны и мира, все основные положения марксистско-ленинской теории относительно сущности войны, о зависимости способов ведения войны от экономики и социального строя, о критериях классификации войн, путях борьбы за избавление человечества от войн полностью сохраняют свою научную ценность и методологическую значимость.

Последовательная и бескомпромиссная критика с позиции марксизма-ленинизма буржуазных концепций, стремящихся мистифицировать и увековечить феномен войны как неустранимое зло человеческой истории, является важней-

шей составной частью в общей борьбе за предотвращение новой мировой войны и сохранение всеобщего мира.

Эсхатологическому пессимизму многих представителей идеологии современного империализма в оценке перспектив и исторических судеб войны и мира марксизм-ленинизм противопоставляет научно обоснованный мировоззренческий оптимизм.

Мировоззренческий оптимизм, свойственный теории марксизма-ленинизма, отнюдь не является академическим понятием для ведения абстрактных дискуссий о будущем человечества. Он пронизывает все конкретные акции и мирные инициативы Советского Союза на международной арене в целях предотвращения мировой военной катастрофы. Он одухотворяет и стимулирует новое политическое мышление как главное условие сохранения мира и выживания человечества. «От подозрительности и вражды к доверию, от «равновесия страха» к равновесию разума и доброй воли, от узконационального эгоизма к сотрудничеству — вот к чему мы зовем, к чему направлены наши мирные инициативы, ради чего мы и дальше будем неустанно работать»¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проблема войны и мира — самая злободневная проблема современности.

Она затрагивает интересы всех классов, социальных групп, политических партий, наций, государств и каждого человека в отдельности. Поэтому совершенно естественно, что различные аспекты этой проблемы находятся в фокусе острой идеологической борьбы, а сама мировоззренческая ориентация правящих партий, государственных деятелей в тех или иных странах относительно природы войн, их социально-исторической функции и влияния на жизнь народов, наконец, исследования условий и предпосылок для избавления человечества от этого рокового спутника его истории имеют большое значение для осуществления конкретных действий, уменьшающих либо стимулирующих военную опасность.

В представленной вниманию читателя брошюре были рассмотрены лишь некоторые, хотя и весьма важные, аспекты проблемы войны и мира в современную эпоху: реалистичности ядерного века и вытекающие из него императивы, новое политическое мышление как необходимое условие сохранения мира и выживания человечества. Был дан критический разбор целого ряда влиятельных буржуазных теорий, направленных на обоснование неизбежности ядерного апокалипсиса.

Освещенные в брошюре вопросы, разумеется, не исчерпывают всей полноты и сложности проблематики войны и мира.

К числу актуальных проблем и вопросов войны и мира, рассмотрение которых выходило за рамки данной брошюры, но которые тем не менее представляют непосредственный интерес для лекторов и пропагандистов и заслуживают того, чтобы явиться предметом специального исследования, по нашему мнению, можно отнести следующее:

1. Проблема соотношения войны и политики в ядерный век, ее функциональный и генетический аспекты.

2. Проблема соотношения войны и революции в ядерный век.

3. Взаимосвязь проблемы войны и мира с другими глобальными проблемами современности: экологической, энергетической, продовольственной, демографической.

Особый интерес при этом представляет критика многообразных концепций и версий буржуазного финализма: экологического, генетического, технического, космического, культурологического, нравственно-этического и других его разновидностей, паразитирующих на реально существующих проблемах и не оставляющих человечеству никаких иных альтернатив, кроме гибели, вырождения, тотальной катастрофы.

4. Сущность и возможности современного буржуазного нацифизма и всемирное движение сторонников мира.

5. Правый экстремизм и фашизм как источники военной опасности.

6. Реакционная сущность и агрессивный характер доктрины и стратегии неоглобализма и сугубая опасность для дела сохранения мира таких ее неотъемлемых элементов, как государственный терроризм и ведение необъявленных войн.

7. Несостоятельность идеи СОИ (стратегической оборонной инициативы) как альтернативы сохранению ракетно-ядерного оружия.

8. Движение неприсоединения как важный фактор в борьбе за сохранение мира.

9. Военно-промышленный комплекс и транснациональные корпорации — генераторы экспансионизма и агрессии.

10. Критика современного расизма и социал-дарвинизма как идейного обоснования насилия и войны.

Разумеется, и этот перечень далеко не исчерпывает всего многообразия и сложности проблематики войны и мира. Тем не менее мы считаем, что он дает некоторые ориентиры, которые могут быть полезны при рассмотрении всего комплекса идеологических явлений и политических событий современности, для оценки степени опасности ракетно-ядерной катастрофы, нависшей над человечеством, и реальных перспектив ее предотвращения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горбачев М. С. К лучшему миру // Коммунист. — 1987. — № 7. — С. 6—7.

² Курьер. — 1967. — № 128, 129. — С. 15—16.

³ Цит. по: Politik in unserer Zeit. — Pfullingen, 1969. — S. 40. С. 4.

⁴ Правда. — 1987. — 17 февраля.

⁵ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М., 1987. — С. 140.

⁶ Примаков Е. Новая философия внешней политики // Правда. — 1987. — 10 июля.

⁷ Горбачев М. С. Ответы газете «Юманите» // Правда. — 1986. — 8 февраля.

⁸ См.: Гернек Ф. Альберт Эйнштейн. — М., 1984. — С. 103.

⁹ Ученые в борьбе за мир. — М., 1984. — С. 64.

¹⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 65—66.

¹¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М., 1987. — С. 149.

¹² Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественной науки // Коммунист. — 1987. — № 8. — С. 4.

¹³ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — С. 143.

¹⁴ В поход за нравственное оздоровление // Век XX и мир. — 1987. — № 5. — С. 12—13.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 2. — С. 516.

¹⁶ Плимак Е. Марксизм-ленинизм и революционность конца XX века // Правда. — 1986. — 14 ноября.

¹⁷ Делийская декларация. О принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира // Правда. — 1986. — 28 ноября.

¹⁸ За рубежом. — 1985. — № 49. — С. 15.

¹⁹ США глазами ученого // Аргументы и факты. — 1987. — 1—7 августа. — С. 2.

²⁰ См.: Сараскина Л. Во что играют дети // Век XX и мир. — 1987. — № 5. — С. 21.

²¹ Мельвиль А. «Образ врага» и гуманизация международных отношений: или — или // Век XX и мир. — 1987. — № 8. — С. 12.

- ²² Nuclear War and Nuclear Peace. — London, 1983. — P. 1.
- ²³ Ibid. — P. 2.
- ²⁴ Язов Д. Т. Военная доктрина Варшавского Договора — доктрина защиты мира и социализма // Правда. — 1987. — 27 июля.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Weizsäcker K. F. Atomenergie und Atomzeitalter. — Frankfurt am Main. — 1957. — S. 142.
- ²⁷ Hornung Peter. — Ein Admiral wird oberster Staatsschef der USA. — Deutsche Wochen. — Zeitung. — 1985. — 30 August. — S. 5.
- ²⁸ Europäische Wehrkunde. — 1984. — N 5. — Mai. — S. 267.
- ²⁹ За рубежом. — 1985. — № 7. — С. 9.
- ³⁰ Nuclear War and Nuclear Peace. — P. 1.
- ³¹ Горбачев М. С. За безъядерный мир, за гуманизм международных отношений // Правда. — 1987. — 17 февраля.
- ³² Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Правда. — 1987. — 3 ноября.
- ³³ Там же.

Буржуазные идеологи о неизбежности мировой военной катастрофы

- ¹ Weinberg. Menifest Destiny. — Baltimor, 1935. — P. 107.
- ² Fiske J. American Political Ideas. — N 5.
- ³ Цит. по: США, политическая мысль и история. — М., 1976. — С. 103.
- ⁴ Times. — 1981. — May. — N 6.
- ⁵ The Struggle for Space and Power // Geopolitics. — 1942. — N 4. — P. 194.
- ⁶ См.: Воловец С. На основе правды // Советская Россия. — 1987. — 23 мая.
- ⁷ Правда. — 1987. — 5 ноября.
- ⁸ Правда. — 1987. — 3 ноября.
- ⁹ Nietzsche F. Werke in zwei Bänden // Band 1. — München. — 1967. — S. 575.
- ¹⁰ Ibid. — S. 147.
- ¹¹ Petzold J. Die Demagogie des Hitlerfaschismus. — Frankfurt am Mein, 1983. — S. 13.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Spengler O. Reden und Aufsätze, 1951. — S. 340.
- ¹⁴ Fervers H. K. Vernichtungskreis. — Frankfurt am M., 1956. — S. 11—12.
- ¹⁵ Ibid. — S. 257.
- ¹⁶ Daim W. Totaler Untergang. — München 1959. — S. 43.
- ¹⁷ Ibid. — S. 127.
- ¹⁸ Ibid. — S. 71—72.

¹⁹ Eisenck H. J. Krieg in der Natur des Menschen? // Deutsche National-Zeitung. — 1985. — N 41. October. — S. 5.

²⁰ Wunde Punkte, Witten. — 1971. — S. 35.

²¹ Der Zwang zum Frieden. — Stuttgart. — 1977. — S. 20.

²² Ibid. — S. 25.

²³ Morris D. The Human Zoo. — 1969. NJ. — 118.

²⁴ Lorenz K. Das Sogenannte Böse. — Wien. — 1965. — S. 77.

²⁵ Ibid. — S. 46.

²⁶ Цит. по: Холличер В. Человек и агрессия. — М., 1975. —

C. 113.

²⁷ Heere international. — Bonn, 1981. — S. 103.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. — S. 104.

³⁰ Ibid. — S. 109.

³¹ Der Freiwillige Heft 3. — 1984. — März. — S. 3.

³² Ibid. — S. 3.

³³ Ibid.

³⁴ Eisenck J. Krieg in der Natur des Menschen? — Dw-z

N 41. — 1985. — 4 Oktober. — S. 5.

³⁵ Кларк Р. Наука войны и мира // Прогресс. — 1972. —

C. 199.

³⁶ Vision—Mexico. — 1976.

³⁷ Deutsche Wochenzeitung. — 1984. — N 14. — 6. April. —

S. 11.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Glucksmann Le discours de la Guerre. — 1974. — P. 103.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 34. — С. 137.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 349.

⁴³ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. — М., 1980. — С. 214.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 3.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956. — С. 590.

⁴⁶ Junger E. Der Gordische Knoten. — Frankfurt am M., 1953. —

S. 5.

⁴⁷ Ejercito. — 1984. — N 537. — Oktubre. — P. 9.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Rosenberg. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. — München, 1930.

⁵⁰ Armees d aujordhui. — 1984. — N 90. — Mai. 59.

Заключение

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — С. 269.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. — Т. 4.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — Т. 2.

Энгельс Ф. Эльберфельдские речи // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — Т. 2.

Энгельс Ф. Избранные военные произведения. — М., 1958.

Ленин В. И. Социализм и война // Полн. собр. соч. — Т. 26.

Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полн. собр. соч. — Т. 26.

Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции // Полн. собр. соч. — Т. 30.

Ленин В. И. О брошюре Юниуса // Полн. собр. соч. — Т. 30.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986.

Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М.: Политиздат. — 1987.

Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. — М.: Политиздат, 1987.

За новое политическое мышление в международных отношениях: Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1987.

Авдеевский В. С., Руднев А. И. «Звездные войны». Безумие и преступление. — М.: Политиздат, 1986.

Бовин А. Космические фантазии и земная реальность. — М.: Советская Россия, 1986.

Громыко А., Ломейко В. Новое мышление в ядерный век. — М.: Международные отношения, 1984.

Диалоги (Сборник). — М.: Политиздат, 1979.

Зловещий оскал милитаризма. — М.: Мысль, 1984.

Кровавый бизнес. — М.: Политиздат, 1985.

Кузнецов Ю. Ф. Проблемы войны и мира: ядерное измерение. — М.: Международные отношения, 1986.

Откуда исходит угроза миру. — М.: Воениздат, 1987.

Прэктор Д. М. Мировые войны и судьбы человечества. — М.: Мысль, 1986.

Пядышев Б. Д. Третья мировая — в бестселлерах, и не только. — М.: Наука, 1985.

Раздумья о будущем. — М.: Политиздат, 1987.

Спиной к глобальным проблемам. — М.: Прогресс, 1986.

Удержать мир от сползания в пропасть. — М.: Политиздат, 1986.

Ученые против войны. — М.: Молодая гвардия, 1984.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Проблемы войны и мира в современную эпоху	7
Реальности ядерного века	7
Новое политическое мышление — условие сохранения мира и выживания человечества	14
Буржуазные идеологи о неизбежности мировой военной катастрофы	30
Идеологические предпосылки агрессивной политики и стратегии американского империализма	31
Несостоятельность попыток идейно-теоретического обоснования неизбежности войн	36
Заключение	55
Приложение	57
Примечания	59
Литература	62

ЗАМКОВОЙ Владимир Иванович

ФИЛОСОФИЯ ЯДЕРНОГО БЕЗУМИЯ

(Критика буржуазных концепций по проблемам войны и мира)

Редактор Л. К. Кравцова

Мл. редактор Т. А. Тарасова

Худож. редактор П. Л. Храмцов

Техн. редактор И. Е. Жаворонкова

Корректор Л. В. Иванова

ИБ № 9366

Сдано в набор 15.12.87. Подписано к печати 01.02.88. А 02642. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80 Усл. кр. отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,47. Тираж 26 467 экз. Заказ 2515. Цена 11 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 881003. Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

11 коп.

с 33-8

Индекс 70065

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ